

100 лет без любви

Автор:

Надежда Волгина

100 лет без любви

Надежда Волгина

Вечная любовь

Я нашла дома брошь. С виду совершенно обычную, хоть и старинную. Но так ли это на самом деле?

Я влюбилась в парня, с которым познакомилась случайно при довольно нелепых обстоятельствах. Но случайна ли наша встреча, и почему мне кажется, что ведет он себя как-то странно?

Я должна спасти нас и нашу любовь. Теперь я точно знаю, что все зависит только от меня! Но чем мне придется пожертвовать?

Надежда Волгина

100 лет без любви

Часть 1. Непрощенные

Пролог

У обочины дороги стояли две женщины. Одна крупная, статная, в богатых одеждах и золоте. Ее огромные черные глаза выделялись на смуглом красивом лице. Она смотрела на дорогу, явно кого-то поджидая. Другая намного моложе – невысокого роста, худенькая. Одета она была скромнее первой, без единого украшения. Русые волосы распущены по плечам и лицо пугающе бледное и очень грустное. Ветер трепал полы ее сарафана и, казалось, продувает ее насквозь. Она обхватила себя руками, то ли в попытке согреться, то ли чтобы защититься от кого-то или чего-то. Она тоже смотрела на дорогу, и глаза ее блестели нездоровым блеском.

– Не бойся, нас не увидят, – сказала старшая. – Я прочла заклятье.

Младшая не ответила, продолжая внимательно вглядываться куда-то.

– Не видишь его? – снова заговорила старшая. – Вон он, в кустах прячется. – Она указала рукой на куст Волчьего лыка на противоположной стороне дороги.

Девушка повернула голову и только тогда заметила мужчину цыганской наружности. Он уже даже не прятался, а стоял возле живой изгороди, сжимая в руке нож. Мужчина тоже кого-то поджидал, при этом выглядел довольно решительно. Возможно когда-то он был красивым, а сейчас лицо покрывала нездоровая серость, глаза ввалились, и под ними залегли темные круги.

На дороге показалась телега, запряженная двумя лошадьми. Старшая женщина разом подобралась и принялась что-то бормотать шепотом. Мужчина вышел из кустов и преградил путь телеге. Тот, что в последний момент натянул вожжи, смотрел на него с испугом. Маленькие глазки часто моргали на веснушчатом лице. Рот кривился и подергивался, словно он пытался что-то сказать и никак не получалось.

Цыган молча запрыгнул в телегу и занес над несчастным нож. Он сказал всего одно слово «Мечь» и резко опустил руку. Дальше произошло все стремительно. Старшая женщина сделала движение руками, словно отталкивая от себя кого-то, и цыган полетел кубарем в кювет. Рябой со всей дури хлестнул лошадей, и телега помчалась вперед, оставляя за собой пыльный след. Только его и видели.

– И что теперь? – спросила младшая у старшей.

– Все. Нож убийцы не коснулся жертвы. Можешь быть спокойной, проклятие не действует.

– А как же он? – Младшая кивнула на цыгана, который лежал возле кустов и не подавал признаков жизни.

– В его жизни ничего не изменится. Сегодня же тот подаст на него в полицию, а дальше суд и каторга, как и должно быть. Он сам выбрал свой жизненный путь. Да и Ганс долго не протянет. Не от ножа, так в вонючей канаве сгинет. Пьянка его погубит.

Молодая медленно кивнула и равнодушно отвернулась от дороги. Все это ее уже не касалось, потому что это были последние отголоски ее прошлой жизни, в которой она умерла.

Глава 1

Рабочий день закончился. Я слышала, как народ расходится по домам, веселится в предвкушении выходных. Машинально отвечала на дежурные «пока» или «до понедельника», а сама бесилась, что не могу последовать их примеру. Агенты, как с цепи сорвались, решили за один день перевыполнить недельный план. Заявки все не заканчивались.

Около семи я, наконец-то, провела последнюю заявку и выключила ненавистный компьютер. Голова гудела, а перед глазами мелькали колонки цифр. Работа оператора – конвейер, где ты, как робот, зацкливаешься на одном и том же. К концу рабочего дня чувствуешь, как из тебя вытягивают последние силы, словно это веревочка, намотанная на катушку, конец которой кто-то удерживает и уходит все дальше и дальше. А когда ее остается совсем немного, выдергивает силой. И вот какое-то время пустая катушка внутри тебя вращается, создавая бесполезный шум, а потом замирает, и наступает опустошение, близкое к отупению.

Офис давно опустел. Я прислушивалась к своим шагам в пустом коридоре и пыталась побороть усталость. За год работы я научилась быстро переключаться.

Достаточно представить, что идешь в тяжелой шубе, которая давит тебе на плечи и сгибает спину. Позвоночник «трещит», поясницу ломит. И вот ты ее скидываешь, одним движением сбрасываешь с плеч. Не оборачиваешься – идешь дальше, ощущая легкость во всем теле. Это работало, нужно только включить воображение.

Улица встретила порывом ледяного ветра и темнотой. Пальцы окоченели, пока я закрывала тяжелую металлическую дверь и запирала замок. Фонари не горели – вот почему мне показалось темнее обычного.

Начало ноября – не зима еще и уже не осень, ни то, ни се. Воздух морозный, а снега нет. Я застегнула куртку доверху, натянула капюшон и потуже намотала шарф, чтобы не дать ветру ни малейшего шанса добраться до моего тела. Живу я совсем рядом – два двора, и мой дом. Улица пустовала. Народ попрятался в домах, спасаясь от почти зимней стужи. Редкие прохожие спешили куда-то по делам, кутаясь в воротники и капюшоны.

Мой район самый старый в городе, недалеко от автовокзала, рядом с лесом. Половина домов здесь предназначены под снос уже лет десять как. А пока городским властям не до них, там живут люди. И у нас с бабушкой квартира на втором этаже двухэтажного дома барачного типа.

Я очень люблю свой район! И не потому, что родилась здесь и выросла. Хотя, привычка србатывает тоже. Тут уютные небольшие дворики. Нет супермаркетов и торговых центров, зато в маленьком магазинчике тебя встретят, как родную, поздороваются, спросят, как дела. О том, что рано или поздно, когда власти доберутся и до нас, придется куда-то переезжать, стараюсь не думать. Зачем портить себе настроение раньше времени.

Я прибавила шагу – прошла всего ничего, а замерзла, как цуцик.

Квартиру эту получил мой дед, когда они с бабушкой только поженились. Там родилась моя мама, вышла замуж за папу, схоронила его, а потом и сама умерла от горя, когда мне было четыре года. У бабушки осталась только я. Дед еще в молодости подался на Север на заработки, да так и остался там. Говорят, у него даже семья есть, если, конечно, он сам еще жив. Я его видела только на фотографии.

Я подошла к дому, не чувствуя пальцев ног. Нужно было обувать зимние сапоги, а не эти на тонкой подошве. «Все бы тебе форсить!» – как ни скажет бабушка.

Странно, свет на кухне не горит. Обычно в это время бабуля стряпает и ждет меня. Нехорошие предчувствия кольнули душу, когда я не уловила запаха готовящейся еды возле двери. Только бы с бабулей все было в порядке, твердила я, отпирая замок дрожащими пальцами.

Телевизор не работал – в квартире стояла могильная тишина. Паника накатывала волнами, заставляя руки трусливо дрожать. Хотелось закричать, позвать бабулю, но я боялась, что вопль повиснет в пустоте и останется без ответа. Наконец я справилась с молнией на сапогах, отшвырнула их в сторону и, не раздеваясь, побежала в спальню.

Бабушка лежала в кровати, до подбородка укрытая одеялом. Лицо ее пылало, и с губ срывалось хриплое дыхание.

– Что случилось?

Ноги мои словно приросли к полу. Вдруг стало так страшно – что если она сейчас умрет?

– Заболела я, Женечка, кажись. Совсем худо...

Ну конечно! В этот момент я готова была растерзать себя или запытать до смерти. Видела же, что ей нездоровится, кашляет несколько дней и на слабость жалуется. А я, эгоистка, не придавала этому значения, думала само пройдет.

На негнущихся ногах я подошла к кровати и пощупала ее лоб.

– Господи, да ты же огненная! Температура высоченная!

– Дышать больно...

Только тут я заметила, что губы у бабули синевато-фиолетовые. Такого же цвета тень, только светлее, залегла вокруг губ.

– Нужно звонить в скорую...

Я побежала в коридор за телефоном. Бабуля пыталась протестовать, но я ее не слушала. Ставшими вдруг ватными пальцами набирала номер скорой. Никогда раньше не видела свою горячо любимую бабушку в таком состоянии. Если с ней что-нибудь случится, я останусь совсем одна. Даже представить себе не могла, как буду жить без нее. Она – это все что у меня есть. Сейчас мне казалось, что не станет ее, перестану существовать и я.

Минуты, что превратились в вечность, пока ехала скорая, я сидела возле бабушки, как была – в пальто, и держала ее горячую руку. Говорить я ей запретила, боялась, что не смогу отвечать спокойно, прорвется та паника, что переполняла меня. Едва сдерживала слезы, так мне было ее жалко.

Первое, что сделала врач скорой помощи – вколол ей какой-то укол.

– Похоже на воспаление легких, – заключила она, прослушав бабушку. – Госпитализируем, – кивнула санитарам.

Я даже сообразить ничего не успела, как в комнате появились носилки. Два санитаров переложили на них бабушку. Домашнее одеяло осталось на кровати, а ее накрыли больничным. Я только и успела, что подоткнуть одеяло со всех сторон, как бабушку уже выносили из квартиры.

– А можно мне с вами?

– Не нужно! – сказала, как отрезала, врач. – Сегодня мы поместим вашу бабушку в реанимацию. Понаблюдаем... Бог даст, сможете навестить ее завтра.

И я осталась одна в пустой квартире. По-моему впервые за всю мою сознательную жизнь. Никогда до этого бабуля не лежала в больнице, не выходила из дома дольше, чем на пару часов, не бросала меня...

Минут пять я стояла в коридоре, глядя на кухонное окно. Голые раскидистые ветки черемухи били по стеклу под шквалом ветра. В темноте они казались костлявыми лапами чудовища. Холодок пробежал по спине. Одинокая струйка скатилась меж лопаток. Только тут я сообразила, что до сих пор в пальто.

Страшно поворачиваться к врагу спиной. А черемуха за окном казалось именно такой – чудовищем, что только и выжидает время, чтобы напасть на меня. Впереди чернеют не менее жуткие проемы в зал и спальню. Дверей у нас никогда не было. Дом спроектирован так, что коридор плавно перетекает в кухню. Из него же через арки проходишь в зал и бабушкину спальню. Есть еще одна комнатка, которая считается моей. В нее попадаешь уже из зала через такую же небольшую арку. И раньше я никогда не задумывалась, хорошо или плохо отсутствие дверей. А сейчас за пределами коридора, в темных углах, мне чудились монстры, что покинули столетние норы и поджидают меня – невинную жертву.

От страха я покрылась липким потом и чувствовала себя больной. Каждый шаг давался с трудом. Умом понимала, что нахожусь дома – в самом безопасном месте, где все знакомо и привычно с детства, но что-то случилось с моей психикой, вдруг сделав ее неустойчивой. Одна мысль сверлила мозг – случись что с бабушкой, я останусь совсем одна.

К тому моменту, как я добралась до шкафа, свет уже горел в кухне, зале и бабушкиной спальне. Страх немного отступил, и я смогла раздеться. Не успела я подумать, чем же занять себя, чтобы отвлечься от грустных мыслей, как раздался громкий стук в дверь. Вторил ему голос подруги детства, живущей подо мной, Наташи:

– Женька, открой! Ты вызывала скорую? Что случилось? – спросила она, вбегая в квартиру.

– Бабушка заболела.

– Что-то серьезное? Ее увезли?

– Говорят, воспаление легких. Мне не разрешили поехать...

Тут я почувствовала, как предательские слезы застилают глаза. Отвернулась и пошла в комнату, предоставив Наташу самой себе.

– Эй, ты чего? – опустилась она рядом со мной на старый скрипучий диван. – Воспаление легких – не конец света. Вылечат...

- А возраст? - шмыгнула я.

- Да у тебя бабуля еще совсем не старая. Сколько ей - шестьдесят?

- Шестьдесят пять.

- Все равно еще не старая и довольно крепкая. Поправится. Завтра вместе навестим ее.

Наташа обняла меня за плечи и ждала, пока я успокоюсь. Хорошая она, верная. Мы дружим с самого рождения. Вместе ходили в ясли, потом детский сад. Потом одиннадцать лет в школе. В прошлом году она поступила в политех на строительный факультет, а я пошла работать, чтобы помочь бабушке. Учиться решила заочно, только не определилась пока, кем бы хотела стать.

Нас с Наташей еще здорово сближало то, что обе мы считали себя сиротами. Она жила с отцом. Мать ее давным-давно погибла - ее сбила машина прямо возле нашего дома. Отец Наташи почти все время пропадал на работе. Поэтому у нас она бывала чаще, чем дома, и я по праву считала ее членом нашей семьи.

- Ты ужинала? - спросила Наташа, когда поток моих слез иссяк.

Я помотала головой.

- Тогда пошли... буду кормить тебя.

Наташа по-хозяйски доставала из холодильника масло, колбасу, сыр... Я с тоской наблюдала за ней и думала, что ни разу еще не было такой пятницы. Обычно бабуля меня ждала с чем-то вкусненьким - или беляшей моих любимых нажарит, или драников натрет... А иногда она по пятницам закатывала настоящий пир - пекла пироги с разными начинками, а потом мы с ней вместе пили чай с пирогами и говорили много-много, обо всем. От бабушки у меня не было секретов, она - мой самый любимый человек и лучшая подруга.

- Тут пельмени есть, будешь? - спросила Наташа, выныривая из холодильника.

Я, хоть и знала, что нужно поесть, но аппетита не было. Поэтому от пельменей отказалась.

– А я поем, можно? Бабуля твоя их мастерски лепит...

Засиделись мы допоздна. Наташа рассказывала о своем новом ухажере и как у них все хорошо. У нее вообще талант знакомиться с парнями. И все они в нее влюбляются. Правда, она через какое-то время начинает находить в них недостатки. Поэтому романы ее не длятся долго. Пару месяцев и смена кавалера. Наверное, когда-нибудь она встретит своего принца и будет жить с ним долго и счастливо. А пока ищет...

У меня все не так. В девятом классе мне предложил встречаться Сергей Банчев – рослый мускулистый парень. Мы даже несколько раз в кино ходили, и целоваться он лез настойчиво. А через какое-то время я увидела его с Лидкой Вертинской – первой красавицей нашего класса. В одиннадцатом классе я познакомилась с первокурсником нашего политеха. Вроде как у нас закрутился настоящий роман. Но студент оказался таким нудным и жадным, что роман не продлился и двух месяцев. Я просто решила, что без него мне интереснее, чем с ним. А сейчас мне и некогда крутить амуры – работа отнимает много времени. А может, я тоже жду своего принца, а пока наслаждаюсь свободой.

Проводив Наташу, я постелила себе на диване в зале, включила телевизор и забралась под одеяло. Паника, наконец, отступила, спасибо Наташе. Я поняла, что не все так страшно, как мне кажется. Бабушка обязательно поправится, и заживем мы как раньше, а то и лучше. И нечего придаваться мрачным мыслям и накручивать себя.

Только сон вот не шел. Обычно я люблю засыпать под телевизор. И в пятницу меня смаривает быстрее всего. А тут ни в одном глазу.

Я ворочалась с боку на бок. Телевизор выключался несколько раз. Через время снова включала и ставила на выключение. Но заснуть не могла.

Почему-то вспомнилось детство и любимая кукла, с которой я практически не расставалась – и купалась, и ела с ней, и каждый вечер клала ее с собой в постель. А где она, эта кукла сейчас? Наверное, в бабушкином сундуке – больше ей негде быть.

Прямо возле входной двери в нашей квартире имелась просторная ниша, которую занимал старинный бабушкин сундук. Она туда складывала лоскуты ткани, старые вещи, которые выкинуть жалко. Там же хранились мои игрушки. В детстве мы с Наташей обожали играть на этом сундуке. Ниша отгораживалась от коридора занавесками, и нас там никто не видел. Мы наряжали кукол в бабушкины лоскуты и просиживали там целыми днями.

Сейчас мне сундук и ниша не казались такими большими, как в детстве. Да и лоскуты ткани не выглядели по-королевски красивыми. Но запах неизменно рождал воспоминания о тех счастливых и беззаботных днях.

Я распахнула сундук, забралась в него и принялась искать свою любимую куклу, аккуратно перекладывая вещи. Маленькая бархатная коробочка сразу привлекла мое внимание. Раньше я ее здесь не видела. Внутри была брошка. Я сразу поняла, что она очень старинная и, наверное, жутко дорогая. Хотя я и не разбираюсь в камнях и драгоценных металлах, но не сомневалась, что брошь сделана из золота и усыпана не цветными стеклышками или самоцветами. Крепление у броши было сломанное – ушко, куда должна входить игла, отсутствовало. Интересно все-таки, откуда она тут взялась. Про куклу я забыла, а брошь взяла с собой и положила в сумочку. Решила, что покажу ее завтра бабушке и расспрошу.

В тот вечер никакое шестое чувство мне даже не намекнуло, что с появлением этой броши изменится вся моя жизнь. Но именно тогда все и началось.

Глава 2

Мы прятались в тальнике. Это было нашим местом. Ветки ивы скрывали нас со всех сторон от посторонних глаз. Озеро заросло камышом и больше напоминало болото, поэтому редко кто забредал сюда. А мы любили тут бывать.

– Я завтра еду на ярмарку, в город, – сказал Иван, прижимая меня к себе и целуя в макушку.

По коже пробежали мурашки, а в сердце закралась грусть.

- Надолго?

- С неделю пробуду там.

- Так долго...

- Не печалься, мое сокровище. - Иван поцеловал меня в щеку, стирая след от одинокой слезы. - Отец приболел, так бы он поехал. Значит, нужно мне, больше некому. Вот вернусь и зашлю сватов.

- Остановишься у дядьки?

- А то ж. Чать, не чужой. Примет.

Иван взял меня за руки и заглянул в глаза. Какие же они у него темные, почти черные. Смотришь в них и боишься, словно в омут засасывает. А когда он злится, глаза становятся словно у зверя дикого - горят, того и гляди искры посыплются.

- Вер, ты мне так и не ответила - хочешь ли моей стать?

Хочу ли я? Да вот уже полгода, как я ни о чем больше и мечтать-то не могу. Все мысли заняты тобой, Ваня. Как приехал ты к нам в деревню, увидела тебя впервые, так и потеряла покой. Грежу тобой, ночами ты мне снишься.

- Вань, давай потом поговорим... Вот вернешься и поговорим. Мне домой надо, мать злиться будет.

Я убежала, пока он не сказал что-нибудь. Не хотела видеть обиду на его лице.

- Где тебя носит, деваха ты бестолковая? - встретила меня мать словами.

Она колготилась на кухне, обед готовила. Щи уже томились в остывающей печи. Жара стояла невыносимая. Мать покраснелась, пот струился по шее и голым плечам. Сегодня был хлебный день. Она встала в три утра, чтобы замесить тесто и напечь хлеба на неделю. Печь чаще летом не представлялось возможным, дом нагревался, как сковородка на углях, дышать становилось нечем. Была бы воля

бати, заставлял бы он мать напекать хлеба на две недели впрок. Только не выдерживал он так долго – портился. Тогда бы батя убил мать за расточительство.

– На речку бегала искупнуться, – ответила я и уже хотела было прошмыгнуть мимо нее.

– А ну стой! – прикрикнула мать, вытирая лицо фартуком и из-под бровей глядя на меня. – Опять со своим цыганом виделась?

– Он не цыган.

– Ишь, засопела, – буркнула мать, стараясь говорить тише, как бы батя не услышал. Он хоть и отсиживался в сарае, но все равно не далеко, может услышать. Тогда, не миновать беды. – Черный он, как смоль, вылитый цыган. Не пара он тебе, уясни уже. Не пара. Зачем время на него тратишь, коль не бывать вам вместе?

Что я могла ответить? Что люблю его больше жизни? Что минута без него равняется часу? Мать не поймет, а батя и вовсе пришибет.

Немцы мы, чистокровные. Немца мне и в женихи следовало выбирать. К тому же зажиточные у меня мать с отцом, а я у них единственная дочь. Они уже и Григория, урожденного Ганса, присмотрели мне в соседней деревне. Рябого, худого... но зато богатого и тоже чистокровного.

– Делом займись! – зло зыркнула мать. – Спозаранку корыто замочила. Поди, все скисло...

Я и забыла, что собиралась белье стирать. Как услышала Ванькин позывной – свист, так и умчалась на крыльях любви.

Мыло загустело, белье покрылось склизким киселем. Поборов отвращение начала выуживать его из корыта, стараясь не думать, как же это противно. Мысли витали далеко. Ваня, Ваня, что же нам делать? Не бывать нам вместе, не позволят родители. Не смотреть мне в твои черные очи и не целовать шелковистые кудри.

* * *

Проснулась я, когда на улице уже полностью рассвело. Сидя в кровати, пыталась осознать, что же не так. Почему не покидает чувство, что я изменилась?

Выспалась я, как никогда. И аппетит разыгрался нешуточный. Налила себе кофе и соорудила неприличных размеров бутерброд с колбасой. Сейчас позавтракаю и отправлюсь к бабуле.

Наташа пришла, как и обещала.

– Встала? – заголосила она с порога. – Вот и отлично! А то думала, будить тебя придется.

По выходным я любила поваляться в постели. Могла даже затянуть с этим делом. Тогда бабушка ворчала, что все нормальные люди уже обедают, а я только завтракаю. Но, не виновата же я в том, что сова. Для меня в будние дни вставать в половине седьмого было настоящим испытанием. И я склонялась к мысли, что привыкнуть к этому невозможно.

Наташка же, напротив, была жаворонком. И частенько, когда мы с ней планировали что-нибудь на утро выходного, не срывалось задуманное только благодаря ей.

Оставив вещи в гардеробе приемного покоя и купив там же бахилы, мы поднялись на четвертый этаж. Медсестра на посту равнодушно поинтересовалась, к кому мы, и сообщила, что бабушку перевели из реанимации в палату интенсивной терапии. Я так обрадовалась, что опять едва не прослезилась.

– Неудобно, приперлись с пустыми руками, – сокрушалась Наташа, на пути к палате.

– Мы же не знаем, что ей можно. Сейчас разведем, а потом я наготовлю и принесу.

Я знала точно, что бабушка поймет правильно и не обидится.

Палата была двухместной. Наверное потому, что интенсивной терапии. В тринадцать лет я целых три дня лежала в больнице с подозрением на аппендицит. Воспоминания сохранились кошмарные. Ряды коек с панцирными сетками, между которыми вдвоем не разминуться. Нестихающий шум, детский плач, духота... Я думала, что везде так. А тут тишина, стерильная чистота... В общем, я была приятно удивлена.

Бабуля казалась такой бледной и хрупкой на огромной кровати с поднимающимся верхом, что я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Но когда увидела улыбку на ее лице и что-то похожее на румянец, успокоилась. Вечно я все драматизирую.

- Баб Маша, ну вы нашли время болеть!

- Тише ты, оглашенная! - шикнула на Наташу бабуля, кивая на соседнюю кровать. Впрочем, поздно. Девушка - соседка уже проснулась и сонно тарщилась на нас.

- Ой, простите, - без тени раскаяния в голосе проговорила Наташа и бодро затопала к единственному в палате стулу.

Мне ничего не оставалось, как присесть на краешек кровати.

- Как ты? - спросила я, с опаской поглядывая на тоненький проводок капельницы, тянущийся от бабулиной руки к штативу.

- Гораздо лучше, температуру сбили. Вот, капают все время... - Бабуля улыбнулась, и у меня на душе сразу потеплело. - Я бы хоть сегодня отсюда сбежала, да врачи говорят, что лечить будут неделю.

- Чего это ты придумала? Лечись, сколько положено.

- Ты ж там совсем одна.

- И мне не десять лет, - погладила я морщинистую руку.

– Я за ней пригляжу, баб Маш, – хохотнула Наташа из своего угла. – Баловаться не разрешу.

– А за тобой-то кто приглядит?

– Да, все нормально, баб Маш, справимся, – успокоила ее Наташа. – И вам тут скучать не дадим.

– Что тебе принести? Кормят нормально? – снова спросила я.

– Да, ты знаешь, – встрепенулась бабушка. – На завтрак давали очень даже приличную запеканку и какао. У меня даже аппетит разыгрался. Так что, ничего не нужно.

– Ладно, сами разберемся, – кивнула я. – Бабуль, я тут вещицу одну нашла...

И достала из сумки коробочку с брошью.

– Не знаешь, что это? И главное, откуда?..

– Ничего себе, красотища! – материализовалась за спиной Наташа.

Лицо бабули вытянулось от удивления. Казалось, она не верит своим глазам.

– Где ты это взяла?

– Нашла в твоём сундуке.

– Что, вот так спокойненько она там лежала?

– Ну, в общем-то, да... Я вчера искала куклу, ту мулатку, помнишь? Ну, и наткнулась на эту брошку.

Бабуля молчала какое-то время. Она взяла брошь и разглядывала ее, аккуратно поглаживая граненую поверхность камней. Мы с Наташей не нарушали повисшую тишину, даже девушка на соседней койке, казалось, боится

пошевелиться, искоса поглядывая в нашу сторону.

- Словно вестник прошлого, - проговорила наконец бабушка.

- Это твоя брошь? - рискнула спросить я.

- Наша, семейная, - все так же задумчиво ответила она. - И давно потерянная. Вот уж не гадала, что найдется когда-нибудь...

- Баб Маш, расскажите, интересно же, - заканючила Наташа.

Бабуля очнулась и посмотрела на нас отчего-то повлажневшими глазами. И столько в них было грусти, словно картины прошлого, что промелькнули сейчас в ее памяти, были безрадостными, трагичными. Ее грусть передалась мне. И даже Наташа принялась смущенно рыться в сумке, проникаясь общим настроением.

- Можно сказать, что эта брошь - семейная реликвия, - вновь заговорила бабушка. - Сколько себя помню, она все время была у нас. Пока не потерялась во время переезда. Где мы только ее не искали... а она, оказывается, все время преспокойно лежала в сундуке.

- Переезда? Это ж сколько лет она считалась потерянной?

Я подсчитала в уме. Получалось больше сорока лет, потому что последний переезд был в ту квартиру, где мы сейчас живем. Бабуле тогда едва исполнилось двадцать. Она только вышла замуж, и молодой семье выделили отдельное жилье.

- Мама еще была жива. Она и отдала мне эту брошь, а я ее потеряла. По крайней мере, я так считала все эти годы. А она... ну надо же!

Бабуля протянула мне коробочку:

- Положи ее куда-нибудь, раз уж нашлась.

Как-то все было странно. Не заметила я радости в бабушкиных глазах от находки давно потерянной и дорогой сердцу вещи.

На обратном пути Наташа спросила:

- Не хочешь отнести брошь в ювелирку? Починить застежку?

- А зачем? Можно подумать ее кто-то будет носить. Она, конечно, красивая. Но как-то слишком... Да и страшно таким себя украшать, согласись.

- Дорогушая, наверное, - размышляла Наташа. - Интересно, сколько бабок можно за нее получить?

Почему-то думать об этом не хотелось. Из головы не шло бабушкино поведение. Какая-то странная реакция. Вроде должна радоваться находке, а такое впечатление, что бабушка даже расстроилась. О чем она думала, когда рассматривала брошь? Нужно будет расспросить поподробнее.

Дома я долго думала, куда бы положить вновь обретенную брошь. Решила не мудрствовать лукаво и спрятала коробочку в сахарнице от немецкого чайного сервиза. Он был такой тонкой работы и тоже достался бабушке от матери в качестве приданного, что служил для украшения - стоял в серванте. Во время генеральной уборки с него стиралась пыль, и он снова занимал свое почетное место. Я решила, что раритету самое то находиться в себе подобном.

Глава 3

К концу недели выпал снег. Да сразу так много, что стараниями дворников образовались сугробы. Редко когда зима ложится за одну ночь. Обычно, как преддверие ее, промозглый слякотный период, который я терпеть не могла. Вроде бы и снег идет, но температура не достаточно низкая, чтобы он не таял. Приходится обувать резиновые сапоги, чтобы не ходить с мокрыми ногами. И длится это не один день. В этом году природа преподнесла мне сюрприз. И, хоть огородники говорят, что для урожая плохо, когда снег ложится на сухую землю, я была этому рада.

На работе началась запарка. С ноября торговым агентам резко увеличивали планы. Заявок сыпалось столько, что каждый день приходилось задерживаться. По прошлому году помнила, что закончится это только ближе к апрелю, после всех праздников. Оставалось запастись терпением и трудиться, трудиться...

В пятницу после работы я пошла напрямик в больницу. Лечащий врач накануне сообщил, что продержит бабулю еще не меньше недели. Нужно было подпитать ее сердце, которое оказалось не такое крепкое, как мы думали. И узнали-то об этом, когда ей сделали кардиограмму. Как говорится, нет худа без добра – не попади бабуля в больницу, вряд ли бы прошла обследование. А там ей проверили все. Врач, конечно, успокоил меня, сказал, что для своего возраста она достаточно крепкая. Но с сердцем посоветовал не шутить и периодически проверяться.

От бабули я возвращалась поздно. Выйдя из больницы, остановилась на крыльце зачарованная. Показалось, что попала в сказку – снег валил крупными хлопьями в абсолютном безветрии. Он переливался в свете фонарей и приятно хрустел под ногами. Захотелось насладиться этим подольше, и я решилась пройтись пешком.

Магазины еще работали. Во многих уже по-новогоднему украсили витрины. Яркая мишура, гирлянды и елочные игрушки создавали атмосферу праздника, хоть до него еще и далеко. Как же я любила начало зимы! Когда снег еще девственно белый, морозы не успели стать трескучими, а ветры не гнали пургу. Я вспомнила, как в детстве мы с Наташкой делали ангелов на снегу. Ложились на спину и разводили в стороны ногами и руками. Оставался след, похожий на ангела. Представляю, что бы обо мне сейчас подумали, сделай я такое. Я рассмеялась подобным мыслям и тут же стала, как вкопанная, услышав рядом визг тормозов.

– Ты в своем уме?! Прешься через дорогу и по сторонам не смотришь! – услышала я грубый мужской голос, а потом и увидела его обладателя.

Парень выскочил из машины, громко хлопнув дверцей, и подлетел ко мне.

– Суицидница что ли? – проорал он мне в лицо.

Вообще-то, я очень аккуратно перехожу дорогу. Как-то в детстве меня чуть не сбила машина, когда я вышла из троллейбуса и обходила его спереди, а не как положено сзади. С тех пор я не теряю бдительности и даже немного побаиваюсь проезжей части. Поэтому была не меньше шокирована собственной беспечностью.

- Ты немая что ли? - не унимался парень. - Я же мог сбить тебя!

- Но не сбили же, - только и нашлась я, все еще находясь в состоянии легкого шока.

- Точно дура... Врезать бы тебе как следует. Не была бы бабой, так и сделал бы...

Терпеть не могу, когда на меня орут, а тем более оскорбляют. Говорят, я обладаю редким тембром голоса. В спокойном состоянии он у меня невыразительный, глуховатый. Но в моменты эмоционального накала, я могу говорить очень громко и отчетливо.

- Не надо на меня орать. Я не глухая и не суицидница. Просто задумалась. Я напугана не меньше вас, неужели не заметно? А вы ведете себя, как дикий бабуин, разве что с кулаками на меня не бросаетесь, - все это я выпалила на одном дыхании. Даже жарко стало от возмущения.

Парень потерял дар речи на долю секунды. Впрочем, этого хватило, чтобы он перестал орать.

- Садись, подвезу, - уже спокойно сказал он, кивая на машину.

- Спасибо, я пешком.

- Садись, кому говорят, иначе, точно кого-нибудь до тюрьмы доведешь сегодня.

Наверное, порция адреналина, что я хапнула, оказалась великоватой. Я вдруг поняла, насколько устала, замерзла и хочу спать. Салон машины манил теплом. Спорить хотелось все меньше - до дома оставалось приличное расстояние, и автобуса неизвестно сколько ждать в это время. Пусть предложение этого грубияна и не очень галантное, но точно своевременное.

- Куда едем? - спросил парень, заводя машину.

Я назвала адрес, а сама украдкой его рассматривала. Конечно, с бабуином я перемудрила, но что-то от обезьяны в его внешности все равно было. Скорее от гориллы. Наверное, широкоплечая коренастая фигура и глубоко посаженные серые глаза рождали подобное сравнение. Хотя, надо признаться, что выглядел он довольно симпатично. И мощная энергетика, исходящая от него, внушала спокойствие. А еще, приглядевшись, я поняла, что он уже далеко не юноша. Возраст его я бы оценила ближе к тридцати.

- Как тебя зовут? - вновь заговорил парень.

- Женя.

- А меня Захар.

- Не назвала бы наше знакомство приятным, - буркнула я, все еще не в силах побороть обиду на его грубость.

- Да уж, - усмехнулся он. - Красотки еще ко мне под колеса не бросались.

За красотку спасибо, конечно. Первое приятное слово за последние полчаса, пусть и грубовато высказанное.

- Ты чем занимаешься? Работаешь, учишься?

Зачем ему это знать, если, скорее всего, мы больше никогда не увидимся? Нездоровое любопытство?

- Работаю. А ты?

- Я ювелир - золотых дел мастер, - насмешливо произнес Захар.

Не удержалась и бросила на него любопытный взгляд. Вот уж не такими представляла себе ювелиров. Какими, не знаю, но точно более утонченными и деликатными. Этот же больше смахивал на тренера по какой-нибудь вольной борьбе.

- Не похож? – правильно прочитал он мои мысли.

- Не очень...

Ответ мой остался без комментариев.

Вскоре он остановился у моего дома. Я уже собиралась поблагодарить и удалиться, когда он снова спросил:

- А правда, что в этих домах стены картонные?

Я поняла, о чем он говорит. Не знаю, из чего сделаны стены в нашем доме, но если постучать по ним, то звук получается, словно стучишь по картону. Мне это даже нравилось. И точно стены выполнены из чего-то теплоудерживающего, потому что зимой у нас было очень тепло, а летом достаточно прохладно. Но объяснять все это новому знакомому я не собиралась, поэтому ограничилась вежливым:

- Не знаю.

Поблагодарив его и пожелав всего хорошего, я отправилась домой.

* * *

Мать чесала мне волосы и приговаривала:

- Какая же ты у меня ладная получилась! Вон глазищи-то – как два синих озера. А губы, словно сочные ягоды. И щечки...

- Мама, перестаньте! – перебила я. – Зачем вы все это говорите?!

- Как зачем? Положено так – на смотрины тебя обряжаю.

Издавается она что ли? Ну, точно! И голосок такой елейный. Мол, ты хоть обрыдайся тут и исстрадайся, а замуж я тебя все равно отдам за того, кого

выбрали тебе.

Еле сдерживалась, когда мать сплетала волосы в тугую косу. И не потому что больно... Сердце кровью обливалось. Ваня, Ваня, пока ты там на ярмарке своей, меня готовят к позору – оглядывать будут со всех сторон, словно кобылу племенную. Все уже будет решено к твоему возвращению-то.

– Надевай сарафан, да платок не забудь повязать, – мать положила гребень и с довольной улыбкой рассматривала мою прическу. – Красотища!

Она уже ушла, а я все никак не могла заставить себя встать. Григорий с родителями вот-вот заявятся, а я в одной сорочке еще.

Сарафан мне мать выбрала голубой с выбитыми на нем золотыми цветами и косынку золотую – в тон.

– Этот цвет идет к твоим глазам. Они начинают сверкать, словно сапфиры, не раз приговаривала мать.

Она и ленты мне вплела в косы золотые. Примерно так я и чувствовала себя сейчас – как драгоценный камень в богатой огранке. Вот меня выкладывают перед купцом и ждут, когда назначат хорошую цену.

– Пора, гости ждут! – вбежала мать. – Вера, ну в гроб же краше кладут! Ну-ка щеки пощипай!

Не дожидаясь, когда я отреагирую, она больно ущипнула меня за обе щеки, так что они загорели, словно меня отхлестали как следует. А потом схватила за руку и потащила из комнаты.

– Глаза опусти долу, бестыжие они у тебя, – велела мать.

Первым бросился в глаза Гриша. Ну, почему он всегда так смотрит? Словно и не видит ничего вокруг? Лицо все сплошь рябое, нос великоват, а губы тонковаты... Совершенно ты некрасивый, Григорий. Но, какие же добрые у тебя глаза! Добрые и наивные, как у малого дитя. Почему-то всегда в душе рождалась жалость, глядя на него. Становилось стыдно, что он ко мне с чистыми

помыслами, а я люблю другого, хоть и не бывать нам вместе.

То ли дело его родители. Осматривают, прицениваются, словно на базаре. И лица такие подозрительные, точно товар им бракованный подсунуть хотят. От возмущения и стыда меня начало подташнивать.

– Пройдись, красавица, чтобы мы тебя как следует рассмотрели. Да платок сними – покажи косу...

Не похож Гриша на своего отца, который командовал сейчас, что делать мне. Здоровенный такой рыжий мужик, с густой бородой и усищами. Сын, видать, в мать пошел – такой же бесцветный и забитый.

Я посмотрела на своего папашу. Развалился на лавке, довольный. Неужели до такой степени мечтает сбыть с рук свою единственную дочь? Мать ладно, боится, что в девках засижусь, все-таки семнадцать годков уже стукнуло. Но папаша-то...

Кажется позор мой подошел к концу, потому что отец Григория довольно потер руки и крикнул зычным басом:

– Неси, хозяйка, мед! Праздновать будем...

Надежды, что Гриша пригубит кружку и отставит, не было. Руки его дрожали, а мед стекал по подбородку, когда он торопливо его заглатывал. Он не остановился, пока кружка не опустела, а потом демонстративно перевернул ее вверх дном.

– Ждите сватов, хозяева, – снова заговорил отец Григория. – Думаю, через недельку...

– А сейчас отведайте нашего угощения, не побрезгуйте. – Мать пригласила гостей к столу.

Меня посадили рядом с Григорием. Я видела его тонкие, беспокойные пальцы, чувствовала, как он норовит прижаться ко мне плечом, и не могла побороть отвращение. Господи, дай мне силы пройти через это достойно!

* * *

В субботу потеплело. И сразу же началась весна – с крыш активно капало, потекли ручьи, и даже птицы защебетали радостно и по-весеннему. Не хватало только солнышка, которое захватили в плен темные осенние тучи. Не успела я подумать, что надо бы сходить в магазин, чтобы пополнить съестные припасы, как поднялся сильный ветер и повалил мокрый снег. Облом, так облом. Идти куда-нибудь сразу же расхотелось. Как представила себе все это мокрое великолепие, как оно будет облеплять мне лицо и таять, стекая неровными струйками за воротник пальто, так сразу же почувствовала болезненный озноб. Обойдусь, значит, тем, что осталось в холодильнике.

Бабуля мне строго настрого запретила в выходные приходить к ней в больницу. Велела отдыхать и даже грозила, что обидится, если я ослушаюсь. А раз так, то имею полное право бездельничать. Даже диван решила не убирать – останусь в пижаме и буду валяться перед телевизором.

Ближе к обеду, когда за просмотром скучного реалити шоу меня уже почти сморил сон, в дверь позвонили. С мыслью, что пришла Наташка, отдохнешь тут, как же, поплелась открывать дверь. Каково же было мое удивление, когда предо мной предстал вчерашний знакомый – Захар.

– Симпатичная пижама, – разулыбался он, стряхивая с куртки снег.

– Ой! – метнулась я в комнату.

Как можно быть настолько беспечной – открывать дверь, забыв, что на тебе пижама в зайцах. Хотя, что тут странного, мужчины к нам с бабушкой ходят редко. Вернее, не считая отца Наташи и деда Васи – соседа снизу, они не ходят к нам совсем. Мы даже дверь с бабулей частенько забываем запирать.

Занятая мыслью, что бы надеть на себя попримечнее, и не придумав ничего лучше махрового халата, я совершенно забыла про элементарную вежливость. Впрочем, гость мой не растерялся – мало того, что зашел в квартиру, так и еще решительно направился в комнату – именно ту, где я решила проваляться всю субботу.

Возмущению моему не было предела, когда я, выйдя из ванной, обнаружила его посреди комнаты, увлеченного разглядыванием моих разбросанных по креслу вещей и разобранной кровати, с остатками еды на подносе.

- Голливуд отдыхает, - ухмыльнулся Захар, посмотрев ни куда-нибудь, а на торчащие из-под халата штанины пижамы в зайцах, будь они неладны.

- Пошли на кухню, - приказала я и, не дожидаясь, первая вышла из комнаты.

Меня распирала злость. По-хорошему, указать бы ему на дверь, да посоветовать выучить правила поведения в гостях. Но не хватало смелости. А вдруг он маньяк какой и ничего лучше не придумает, как зарезать меня в моей же квартире. Эта мысль рассмешила - вовремя же сработало чувство самосохранения.

- Чаю, кофе?.. - предложила я, когда гость, опять же по-хозяйски, расположился на бабушкином стуле.

- Я бы перекусил чего-нибудь, пожалуй. С утра мотаюсь по делам, жутко проголодался.

Наверное, у меня отвисла челюсть, раз он так развеселился, что сидел лыбился, не скрываясь. Вот это наглость! Он сюда поесть пришел, что ли?

- Холодильник у меня пустой, и желания готовить нет, - я решительно села на стул за противоположным концом стола и закинула ногу на ногу.

- Что, совсем пустой? - удивился он. - Может, тогда, картошечки пожаришь?

- Пусть тебе жена жарит картошечку, - передразнила я.

- Жарила бы, если бы имелась...

- Твои проблемы!

Всем своим видом я пыталась изобразить недовольство, показать, что он мне в тягость, настроить его на мысль как можно скорее убраться восвояси. Очень неудобно было сидеть перед ним в халате. Кроме того, становилось жутко

жарко. Я почувствовала, как лицо начинает пылать.

- Грубятину, - совершенно не обиделся он, судя по тону. - Тогда, собирайся...

- Что?

- Собирайся, говорю. Поехали куда-нибудь, поедим.

- Вот еще! Я не голодна.

- Я голоден. Составишь мне компанию.

Странный он какой-то. Другой бы на его месте и не вспомнил обо мне на следующий день, а этот, мало того, что не забыл вчерашнюю встречу, так еще и запомнил адрес, приперся и качает права.

Может, нужно было ему заплатить вчера, - осенила меня внезапная мысль. Я поспешила ее озвучить, недолго думая.

- По-твоему, я пришел требовать плату за проезд? - лицо Захара стало пугающе серьезным. Глаза потемнели и смотрели угрожающе.

- А что?..

Я уже поняла, что сморозила глупость, но признаваться в этом не собиралась. Потому что вообще-то я терялась в догадках, зачем ему понадобилась. Хоть убейте меня, в любовь с первого взгляда не верила, никто и никогда в меня так не влюблялся.

- По-твоему, я нуждаюсь в деньгах? - снова спросил он, не меняя выражения лица. Впрочем, к серьезности добавилась толика презрительности, что здорово меня задело.

- По-моему, ты вообще никто и звать тебя никак. А еще ты самый наглый тип, с которыми мне только приходилось встречаться.

Я просто мечтала, чтобы он поскорее убрался. Никуда идти с ним не собиралась. Пот струился по мне, и от жары начинала раскалываться голова. Я уже не понимала, что говорю, и мне было плевать на то, каким тоном я это делаю.

Кажется, он, наконец-то, понял. Решительно встал из-за стола и направился в коридор. Вот и слава богу! И то, что не посмотрел на меня, даже хорошо. И вообще, меня не волнуют всякие там грубияны, врывающиеся без приглашения и требующие, чтобы их накормили.

Когда хлопнула входная дверь, я первым делом сняла ненавистный халат и вдохнула полной грудью. А потом мне стало стыдно. Не так меня воспитывала бабушка. Что бы она сказала, знай, как я обошлась с гостем. Подумаешь, явился без приглашения. Что-то же ему от меня было нужно. А я его практически вытолкала за дверь. И не вернешь, уехал уже. В этом я убедилась, выглянув во двор и не обнаружив его машины. У меня даже телефона его нет, и где живет не знаю...

Мучимая угрызениями совести, я вернулась в комнату и посмотрела на разруху, царившую в ней, глазами недавнего гостя. Да уж. Представляю, что он обо мне подумал. Грязнуля! Не мешкая, я принялась за дело, больше, чтобы отвлечься от самокопания, чем из желания стать чистоплотнее. Убрал остатки еды, я застелила постель. Разгребла вещи на кресле. Надо же, даже пальто валялось тут же, а не на вешалке в коридоре, как положено. Достав пылесос, я прошлась с ним по всем комнатам. А потом даже вымыла полы.

Через час с уборкой было покончено. Все еще в пижаме, но в чистой квартире, я с удовлетворением распласталась в кресле, чувствуя, как возвращается хорошее настроение, и уходят негативные мысли.

Глава 4

Бабушку выписали, как и обещали, через неделю. И снова мы зажили с ней вместе, как раньше. Разве что за здоровьем бабули теперь я пристально следила – заставляла теплее одеваться и пить таблетки для поддержания сердца, что прописал врач. А она меня снова начала баловать разными вкусностями.

К концу ноября на работе началась настоящая запарка. Я не справлялась, засиживалась допоздна, приходилось брать работу на дом.

Зима уже всю хозяйничала в городе. Снега навалило столько, что дворники не успевали его разгрести. По утрам городские власти пускали снегоуборочную технику, чтобы не создавались заторы на проезжей части. Мороз постепенно крепчал, и все говорило о том, что зима в этом году будет суровой.

Как-то я задержалась на работе дольше обычного. Еще и замок на входной двери решил повипендриваться и никак не закрывался, пока я не предприняла несколько попыток. А потом случилось и вовсе непредвиденное. Кто и, главное, зачем убрал с крыльца резиновую дорожку, так и осталось для меня загадкой. Заметила я это, когда поскользнулась на верхней ступеньке и пересчитала их все пять. Приземлилась вовсе неудачно, подвернув под себя ногу. От боли потемнело в глазах. Я не могла пошевелиться, не то чтобы встать. Каждая попытка высвободить ногу, отдавалась резкой болью.

Как же теперь быть? И как добраться до дома, если я даже пошевелиться не могу? Рядом, по проезжей части проносились автомобили, но ни я их, ни они меня не видели за высокими сугробами. Как назло, улица словно вымерла – ни единого пешехода.

– Сиди, не двигайся. – Голос я услышала раньше, чем увидела, как он вынырнул из-за сугроба – никто иной, как мой недавний знакомый Захар, про которого я успела забыть.

Я бы и рада подвигаться, да не могу. От боли и злости слезы выступили на глазах. Давненько я не ощущала себя настолько беспомощной.

– Встать можешь? – спросил Захар, подходя вплотную.

Я даже посмотреть на него не могла, потому что это значило пошевелиться. Помотала головой, продолжая пялиться на его ботинки.

– Так, давай-ка попробуем... Наверное, будет больно, так что потерпи.

Захар подхватил меня под мышки и потянул вверх. Боль прострелила такой силы, что, кажется, я потеряла сознание. Правда, совсем ненадолго. Как он брал меня на руки, я уже чувствовала, хоть и сквозь призму боли.

В ушах шумело и кажется я стонала, когда Захар меня усаживал на переднее сидение.

– Едем в травпункт...

Мне было все равно, куда ехать, лишь бы поскорее престало болеть. Следующие полчаса я помню смутно. До травпункта было рукой подать, и на машине мы туда домчались минут за пять. Так же на руках Захар меня внес в теплое приемное помещение и аккуратно посадил на диван. Потом он, вроде, с кем-то спорил или ругался, куда-то бегал и привел с собой дядьку в белом халате.

Местами я, все-таки, проваливалась в обморок, потому что только помнила себя на диване, как обнаружила уже без колготок в каком-то кабинете, где мою ногу, по всей видимости, сканировали, ну или делали рентгеновский снимок. Захара, слава богу, рядом не было. Еще не хватало, чтобы он видел меня с задранной юбкой.

– Ну что голубушка, – обратился ко мне врач, которого я не сразу заметила. Он сидел перед монитором и что-то рассматривал, наверное, снимок моей ноги. Кроме него и меня в палате находилась еще медсестра, как я догадалась. Она гремела чем-то за небольшим столиком. – Перелом голени у тебя. Болеть перестало?

Я прислушалась к себе. А ведь и правда, не болит.

– Значит, укол подействовал, – удовлетворенно кивнул врач. – Дома кто-нибудь умеет делать уколы?

Сразу же подумала о Наташе. Даже если она не умеет, научится, как пить дать.

– Первое время будет болеть и нужно колоть обезболивающее, – продолжал врач, а я слушала так внимательно, будто от его слов зависела моя дальнейшая жизнь. – Сейчас наложим гипс, и ходить тебе с ним месяц, голубушка. Столько

же будешь сидеть на больничном. А потом еще два месяца будешь делать физиопроцедуры, чтобы уж точно поправиться. Повезло еще, что без смещения костей обошлось. Упала ты неудачно уж больно, как рассказал нам твой спаситель...

Целый месяц в гипсе?! До этого я всего раз сильно ушибала локоть. Тогда мне наложили лангетку на неделю. Как же у меня все зудело. Так лангетку можно было хоть снять, а потом опять вернуть на место. А тут гипс... Как же я буду мыться? И смогу ли я выходить на улицу?

Оказывается, медицина успела шагнуть вперед, и мои теоретические знания явно отставали. Гипс мне наложили не обычный, а косметический, как, смеясь, пояснил врач. В нем можно было купаться. Он не делал ногу намного толще. Конечно, сапоги не поносишь, но в ботинок она явно поместится.

Обработав ногу чем-то резко пахнущим и обернув какой-то пленкой, медсестра принялась ее обматывать чем-то типа эластичного бинта, предварительно вымочив его в каком-то составе.

– Ты только смотри, не пинай никого. Через несколько минут гипс затвердеет и станет как пластик, только очень крепкий. Если по нему сильно ударить, ноге твоей ничего не будет, а вот у ударившего могут быть проблемы, – пояснял врач, наблюдая, как медсестра накладывает гипс. – Через две недели придешь на рентген – посмотрим, как срастается.

В коридор, где ждал меня Захар, я выходила краше не придумаешь – одна нога в сапоге, а вторая – свежезагипсованная по колени и обмотанная марлей внизу, чтобы не замерзла. Зато хоть болеть перестала, но это, как я догадывалась, временно.

– Как ты? – сочувственно поинтересовался Захар, подходя ко мне и обхватывая за талию. – Обопрись, не стесняйся. Наступать на ногу можешь?

– Нормально, жить буду, – буркнула я. От всего случившегося настроение у меня было отвратительное. – Сколько времени?

– Половина десятого.

Какой кошмар! Бабуля, наверное, места себе не находит. Уже, поди, всех обзвонила и на работу сбегала. Я ведь ей даже не позвонила.

- Отвезешь меня домой?

- Нет, тут брошу, - обиделся Захар. - Поехали уже, хватит глупые вопросы задавать.

До машины он меня донес на руках. Всю дорогу до дома я молчала. Злилась на себя - растяпу и судьбу в целом, что преподносит такие неприятные сюрпризы. До самого Нового года теперь просижу дома. Не то чтобы я до такой степени рвалась на работу, но месяц без нее грозил серьезной брешью в бюджете. Только мы с бабулей немного вздохнули, как я закончила школу и пошла работать. До этого влачили жалкое существование на ее пенсию. Правда, она подрабатывала гардеробщицей в местном ТЮЗе, но и там платили копейки. Да и уставала она здорово.

На зарплату оператора, конечно, тоже не пошикуешь, но все же стало полегче, да и бабуля смогла уволиться. А тут такое, да еще и перед самыми праздниками.

- Не дуйся, могло быть хуже, - заговорил Захар, когда остановился возле моего дома. - Ты в отпуске давно была?

Ни разу, если быть точной. Отработав больше года, я еще не использовала положенные мне дни отпуска.

- Вот и отдохнешь, а заодно подлечишься.

Понимал бы ты чего-нибудь!

- Давай, я сама, - оставила я его реплику об отпуске без комментариев, открыла дверцу и уже хотела выйти из машины.

- Слушай, ну не выпендривайся, а? - Захар схватил меня за руку. - Сиди смирно. Я сейчас...

Он вылез, обошел машину и помог выбраться мне. Потом привычно подхватил на руки и понес в подъезд.

- А батюшки!.. - запричитала бабушка, открыв дверь. - Женечка, что же это?..

- Все нормально, бабуль, - поспешила успокоить я, выдавливая улыбку. - Растяпа я у тебя.

- Да, не разувайтесь, молодой человек! Несите ее на диван.

Бабуля раздела меня, устроила в подушках и укрыла пледом. Сразу так легко и уютно стало на душе. И даже посторонний вид Захара, стоящего тут же рядом и не собирающегося уходить, не смущал.

- Пойду, поставлю чайник, - спохватилась бабуля, когда поняла, что какое-то время мы все неловко молчим и друг на друга смотрим.

Она ушла суетиться на кухню. Наверное, болеутоляющее сыграло не последнюю роль, потому что я, сама от себя не ожидая, широко зевнула. Захар очнулся от задумчивости и посмотрел на меня.

- Поздно уже, пора и честь знать, - сказал он.

- Что, и чаю не попьешь?

Ну что я за человек? И почему так взъелась на него? Должна же быть благодарна - не окажись его рядом, не известно, что бы со мной стало. А я туда же - язвлю. Стыдно было и неприятно от собственного поведения, но больше всего на свете я сейчас хотела, чтобы Захар ушел и оставил нас с бабушкой вдвоем. Только с ней я хотела попить горячего чаю и уснуть. А обо всем остальном я лучше подумаю завтра, на более трезвую и менее сонную голову.

- Прогнала гостя, да? - Бабушка смотрела осуждающе, но не строго.

- Бабуль, я так устала, что сил нет.

- Ладно, чего уж там... Просто неудобно перед человеком...

- Нормально.

Сама себя не понимала. Почему меня уже во второй раз, при встрече с Захаром, не покидает мысль, что обиженной должна чувствовать себя я. Неужели србатывает природная вредность?

* * *

- Ты не можешь выйти за него!.. - кричал Иван.

Ветер гнул деревья до самой земли, поднимая в воздух пыль и сухие листья. На небе собирались грозовые тучи. Все чаще мелькала молния, и резко похолодало. Я куталась в шаль, но ноги словно приросли к земле и не пускали домой.

- Могу, Ваня. Я уже его невеста. Пока ты был в городе, меня сосватали.

- Ты моя! - Иван схватил меня за плечи. Руки его прожигали одежду, но не согревали. Глаза лихорадочно блестели на бледном уставшем лице.

Как же мне было погано! Надо бы оттолкнуть его, уйти, не вселять надежду. Но не могла я... еще хоть немного побыть рядом, поглядеть на такого родного, любимого...

- Пойдем со мной. Вера, ты слышишь меня?

Иван встряхнул меня и заглянул в глаза. Он принялся осыпать поцелуями мое лицо, стирая следы слез, шептать на ухо слова любви, опаляя горячим дыханием. Голова кружилась все сильнее, а в мозгу билась единственная мысль: «Нельзя! Нельзя!..»

Я принялась вырваться, упираясь ему в грудь.

- Пусти, Вань, мне пора... Пусти, говорю!

- Не могу.

В порыве отчаяния он с такой силой прижал меня к себе, что нечем стало дышать.

– Я жить без тебя не смогу. Мне уже сейчас воздуха не хватает.

С неба начали падать крупные капли. Того и гляди ливанет.

Я высвободилась из его рук, заметив, как безвольно они упали, и голова свесилась на грудь.

– Прости меня, Вань. Не пойду я против родительской воли.

Обратной дороги я не видела. Слезы и дождь застилали глаза. Не забыть мне его лица, никогда. Он смотрел с недоверием, растерянно... и где-то глубоко зарождалась ненависть. Ее я не видела, но чувствовала всем своим существом.

Дома я заперлась у себя и не выходила до ночи, как мать ни звала. Даже если отец прикажет, все равно не выйду. Пусть двери ломает.

Я все думала, как оградить Ваню от себя, сделать так, чтоб не видеться даже случайно. Свадьбу назначили на Покров, значит, еще месяц впереди. Потом я переберусь в дом Григория, и начнется у меня другая жизнь...

Ночью я проснулась от какого-то шума. Сначала решила, что показалось, привиделось во сне. Но звук повторился. Тогда я поняла, что кто-то тихонько стучится в окно.

– Ванька! С ума сошел?! А ну как отец услышит?..

Он меня не слушал. Проворно влез в окно и огляделся.

– Собирайся! Только самое необходимое... – велел он.

– Ты что?.. Умыкнуть решил?

– Собирайся, сказал!

Я стояла посреди комнаты, словно спутал меня кто по рукам и ногам. Смотрела на Ваню и не видела... Сердце колотилось, как ненормальное. В горле и ушах пульсировало. Умыкает... Умыкает... А, может, только так и нужно? Ведь, люблю я его. А тот, другой, ненавистен, как не знаю кто.

– Вера, – Ваня подошел ко мне и положил руки на плечи. Так ласково у него это вышло. – Ты моя, понимаешь? Никому тебя не отдам. До гробовой доски любить буду.

Черные глаза заглядывали в душу, и верила я, что все будет так, как он обещает. Никто, кроме него, не сможет меня так любить. Только он.

Через пять минут мы выбрались в окно и крались через двор. В руках у меня был маленьких узелок со сменой белья.

– Я куплю тебе все, – обещал Ваня, запрещая брать лишнее.

За воротами мы припустили, что есть мочи. Но до Ванькиного дома так и не добежали. Поджидал нас отец и еще два мужика у нашего озера.

Как они его били! Ногами, куда попадали... А он твердил, как заведенный:

– Убейте меня, убейте меня...

Я оглохла от собственного крика и ослепла от слез. Сосед держал меня крепко и заставлял смотреть по воле отца:

– Смотри, шалава, чтобы неповадно было... Проклятый цыган, – и пинал, пинал...

Кто раньше лишился чувств? Он или я? Последнее что слышала:

– Убейте меня. Люблю...

Меня трясло, как при сильном ознобе. Ногу ломило и выкручивало. В голове пульсировала мысль: «Бедная Вера, несчастный Иван...» Лицо было мокрым от слез, и пижама прилипла к телу. Я куталась в одеяло, но никак не могла согреться.

Вера? Иван? Я резко села в кровати, забыв про озноб и боль в ноге. Вот, что не давало мне покоя уже больше месяца. Сны! Только раньше я их не запоминала. Оставались отголоски и, как следствие, плохое настроение. А сегодня это и на сон-то не было похоже. До сих пор я ощущаю прикосновения Ивана, его губы на своем лице.

Я потрогала щеки и снова ощутила его горячие губы. Сердце сдавило болью, словно я лишилась самого дорогого на свете. Я люблю его! Я люблю этого Ивана из сна. Я люблю его сильнее, чем Вера, фрагмент чьей жизни я проживаю. Как такое возможно? И что это вообще?

– Бабуля! – закричала я. – Бабулечка!

– Что случилось, Господи? – прибежала она запыхавшаяся, с полотенцем и прижимая руку к сердцу. – Что же ты меня так пугаешь? Позвать Наташу, сделать укол?

– Не надо... Сядь, – я похлопала по кровати, – мне нужно поговорить с тобой.

Я вспомнила все. Рассказывала торопливо, путаясь в словах, снова проживая те моменты. Боль не покидала. Я осуждала Веру или себя в ней. Я уже ничего не понимала осознанно. Остались одни эмоции, которые распирали меня, не давали успокоиться. Я плакала и смеялась, и сама себе казалась сумасшедшей.

Бабуля сбегала за водой и силой заставила меня выпить. А потом еще долго утешала, прижав к себе и поглаживая по голове, пока не закончилась истерика.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я смогла заговорить:

– Что это, бабуль? И кто эта Вера?

Я всматривалась в дорогое и знакомое с детства лицо и понимала, что впервые вижу бабушку настолько растерянной. Она кусала губы и сама едва сдерживала слезы. А потом, словно вспомнив что-то, полезла в шкаф. Долго рылась в коробке с фотографиями, пока не нашла нужную.

- Она?

С очень старой, сильно пожелтевшей фотографии на меня смотрела настоящая русская красавица, с огромными голубыми глазами, точеными, словно вылепленными из белой глины, чертами лица. Я узнала ее. Она была в подвенечном уборе, как я догадалась. Но ее глаза... Она смотрела как мертвая, ничего не выражающим взглядом.

- Кто это? - хрипло спросила я. От волнения голос пропал.

- Это моя прабабушка - Вера Андреевна Пфайф, в девичестве Шмидт.

- Получается, она моя прапра... а, неважно, - махнула я рукой. - И что? Все так и было?

- Точно я не знаю. Мать мне об этом почти не рассказывала. Знаю только, что была вроде у нее несчастная любовь. Что замуж вышла за нелюбимого, это я тоже знаю. И умерла она совсем молодой. И все...

- А прадед твой, значит, Григорий?

- Да, так его звали. Только, про него я знаю еще меньше. Убили его вроде. Совсем мало прожили вместе.

Губы бабули задрожали, и я испугалась, что случится сердечный приступ. Превозмогая боль в ноге, попыталась встать с дивана.

- Куда? - спохватилась бабушка.

- За таблеткой.

– Не нужно, все нормально, – поспешила успокоить она, укладывая меня обратно в постель. – Не надо тебе сегодня скакать. Отлежись хоть денек.

– Ты точно хорошо себя чувствуешь? Сердце не болит?

– Болит, но не так как ты думаешь, – задумчиво ответила бабушка. – Я не могу понять, почему тебе это снится. И я боюсь, как бы это не обернулось бедой.

– Успокойся, бабулечка, – погладила я ее по руке. – Это же всего лишь сон. Пусть и яркий, но сон. Может, и не было ничего этого на самом деле?..

Я успокаивала ее, а сама все больше уверялась, что это не просто сон. Ну, не ощущают все так во сне. Я до сих пор чувствовала на себе руки того мужика, что держал меня. Те места на талии, где впивались его пальцы, даже побаливали. Во сне именно я была той Верой.

Больше мы не разговаривали на эту тему. По молчаливому обоюдному согласию, каждый занялся своим делом – бабуля пошла суетиться на кухне, а я взялась за книгу, удобно устроившись в подушках.

Настроение постепенно улучшалось, я даже начала извлекать выгоду из вынужденного сидения дома. Никаких тебе бесконечных заявок, спину не ломит от утомительной монотонной работы за компьютером. Никто не выливает на тебя недовольство жизнью в виде придирок и беспричинного крика, как любит делать моя начальница. Бабуля сервировала мне целый поднос и накормила вкусным завтраком. Красота! Оказывается, сидеть на больничном не так уж и плохо.

Еще бы нога не болела... Но с этим мы тоже справились – пришла Наташа и по-дилетантски вколола мне укол. Чисто теоретически она знала, как это делается. А поэтому расчертила ногтем мою ягодицу на четыре сегмента и вогнала иглу в верхний внешний.

– Мне сказали, что колоть нужно именно туда, потому что там меньше всего нервных окончаний, – откомментировала она свои непрофессиональные действия.

Наташа торопилась на занятия в институте, да и я не настаивала, чтобы она задержалась. Хотелось побыть одной, под уютный бабулин шорох на кухне, под родное шарканье ее тапочек...

Но долго наслаждаться спокойствием не получилось. Мне решили нанести визит. Не кто иной, как Захар, который, как я думала, уж точно не захочет больше даже смотреть в мою сторону, после вчерашнего неласкового приема, появился в гости с тортом.

- Ты разве не работаешь? - не удержалась я от колкости.

- Работаю, - спокойно ответил он, отдавая бабушке куртку и торт, - но на себя. Чувствуешь разницу?

- Ну еще бы...

Я не понимала, почему он вызывает во мне такую реакцию. Хотелось нагрубить, сказать что-нибудь неприятное. Все время приходилось себя сдерживать. Он, казалось, не замечает этого или делает вид, что не замечает. Только вот зачем ему это нужно?

- Вообще-то я пришел лечить тебя, - сказал Захар, проходя в комнату, придвигая кресло к кровати и усаживаясь в него по-хозяйски.

- Интересно, как?

- Умные люди сказали, что смех способствует быстрому срастанию костей.

- Неужели?

- А кто еще способен рассмешить, если не О.Генри? - продолжал Захар, пропуская мимо ушей мои колкости.

Только тут я заметила, что в руках у него затертая желтая книжечка. К своему стыду О.Генри не читала. Почему-то покраснела и от этого взбесилась еще сильнее:

- Глупости все это! Смех, срастание...

- Ведешь себя, как ребенок, – улыбнулся Захар.

Надо же какой. Другой бы уже давно послал меня к черту, а этот все терпит. Что же ему от меня нужно? Не верила я в его покладистость, да и не производил он впечатление доброго самаритянина. Но бабушка права, с гостями нужно вести себя прилично. Поэтому я постаралась замолчать и позволила ему выбрать для меня рассказ.

Читал Захар хорошо. В какой-то момент я поймала себя на мысли, что заслушалась и люблюсь им. Когда он читал диалоги и поочередно входил в роли героев, лицо его становилось таким артистичным что ли. В сочетании с тонким юмором О.Генри получалось вообще здорово. Я даже не знаю, над чем чаще смеялась – над мимикой Захара или над героями рассказов.

А один заставил меня прослезиться. Рассказ о молодых супругах, которые жили очень бедно. У них не было денег, чтобы сделать друг другу подарки на рождество. Тогда они пожертвовали самым дорогим: он продал свои часы, чтобы купить жене черепаховые гребни для волос, а она остригла свои волосы и продала их, чтобы купить мужу платиновую цепочку для часов.

Захар так много прочитал, а время пролетело, как один миг. Бабуля почти насильно заставила нас прерваться.

- Глаза, поди, устали, – ворчала она, сервируя журнальный столик. – Ну ка, давайте попейте чайку с тортиком.

- Тебе понравилось? – спросил Захар, отправляя огромный кусок торта в рот и шумно прихлебывая чай.

- Да, – вынуждена была признаться, хоть и с неохотой.

- Завтра продолжим?

Он уже уходит? Я даже не поняла, огорчил меня этот факт или обрадовал. Одно знала точно, что не отказалась бы еще что-нибудь услышать в его исполнении.

– Спасибо за чай! – произнес Захар, вставая из кресла. – Мне пора...

– Да не за что. Это тебе спасибо за торт... и чтение.

Бабуля проводила гостя и заглянула в комнату.

– А он ничего, да? – лукаво спросила она. – Правда, староват для тебя.

– Перестань, бабуль. Мне он совершенно не нравится, – отмахнулась я.

А все-таки интересно, почему он не сказал «до завтра»? Почему вообще ничего не сказал, уходя? Посмотрел только как-то странно... И вообще, чего привязался, как банный лист?!

* * *

Свадьбу сыграли на Покров, как и сговорились.

Я находилась под домашним арестом до самого выкупа. После умыкания отец меня жестоко избил, плеткой. Как мать ни плакала и ни причитала рядом, ни просила его пощадить меня, все без толку. Бил со злостью, чтобы неповадно было, бил, не как свое дитя, как великую грешницу. Сначала мне было жутко больно, а потом ушло все, осталась только мысль: «Так лучше... пусть убьет».

Помню, мать кричала:

– Федя, остановись! Убьешь же... или калекой сделаешь!

Помню дикие, злющие глаза отца и как он приговаривал, отбрасывая мать в сторону:

– Убью гадину! На всю деревню ославилась...

Последнее, что запомнила – занесенная для удара рука отца и повисшую на ней мать с заплаканным лицом. А потом наступила темнота.

Неделю я не могла встать с кровати. Мать лечила компрессами и отпаивала отварами. Телу постепенно становилось легче, но не душе... Радость покинула меня навсегда. Сама себе напоминала высохший колодец, куда кинь камушек, будет лететь он долго сначала, а потом раздастся глухой звук удара об растрескавшееся дно.

Я все думала, жив ли он остался?.. А даже если и нет, то, может, к лучшему? Хотя, какая мне теперь разница, для меня он все равно умер.

Отец не заходил ко мне, пока болела. Первые слова, что услышала от него, когда вышла из комнаты:

- Со двора ни шагу! Будешь матери помогать по хозяйству. Выйдешь, убью!

И он не лукавил. Убьет, точно. Но не это меня останавливало, а все та же пустая душа. Зачем куда-то идти, если ни к чему не стремишься?

Мать, как могла, пыталась примирить нас с отцом. Одного она не поняла, что с той ночи мы стали друг другу чужими. Отец вычеркнул единственную дочь из жизни, как и я его.

Думаю, оба они вздохнули с облегчением, когда наступил день свадьбы. Конечно же, до семьи Григория дошли слухи о попытке побега из-под венца. Но планы они не поменяли. И на обожании Григория это не отразилось. Он, как и раньше, смотрел на меня глазами преданного пса, готовый предугадывать малейшие желания. А на родителей его, наверное, повлияло богатое приданное, назначенное мне отцом. Обговаривали одно, но после той ночи приданное заметно выросло.

Вот так, богатой законной женой, я покинула отчий дом и перебралась в соседнюю деревню.

Поле первой брачной ночи, я четко поняла одно - не быть мне с Григорием счастливой никогда. Не стерпится и не слюбится... Не хватит его любви на нас обоих. Молила Господа только об одном, чтобы не допустил ненависти. Не смогу я бороться и с брезгливостью, и с ненавистью одновременно.

Родители Григория старались быть ласковыми со мной. По дому больно ничего не заставляли делать, да и прислуга у них имелась. Мать его пыталась говорить со мной по душам. Только нет-нет, да слышала я обрывки разговоров:

– Унылая она какая-то. Не будет наш Гришка счастлив с ней...

– Погоди, Вась, Бог даст ребеночка, может и оттает...

Понесла я через месяц. Зародился-таки плод нелюбви моей. Не хотела я его, но, видно, Господь рассудил по-другому.

– Поедем к твоим, сообщим им радостную новость? – предложил как-то Григорий. Со дня свадьбы я не видела ни отца, ни матери. По матери соскучилась, больше ни по кому.

Свекровь собрала целую телегу гостинцев. Меня заставила надеть самое нарядное платье, чтоб все видели, как я счастлива. По родному селу ехали медленно. Григорий раскланивался со всеми встречными. Я тоже старалась быть приветливой – здоровалась, улыбалась... Только знала, что пересудов не избежать. Долго еще будут перемалывать нам косточки и рассказывать, как не повезло хорошему парню, какая гулящая жена ему досталась.

Мать встретила пирогами. Отец поздоровался с Григорием, не замечая меня, и вернулся к своим занятиям. За столом он с нами не сидел, меда с зятем не пил.

Засиделись мы допоздна. Мать нас не пустила в обратную дорогу, постелила в моей бывшей комнате. Григорий выпил лишнего за обильным угощением и уснул сразу же. А мне не спалось. Вспомнилось все, что пришлось пережить в этой комнате перед свадьбой. Как ни гнала я мысли об Иване, а в эту ночь не могла избавиться от его образа. Перед глазами вставали страшные картины избиения. Как он там, жив ли?..

Мать натопила дом так, что дышать было нечем. Или лихорадило меня... Еще и дурнота сильно выматывала, но это нормально вначале беременности. В доме все спали. Я слышала рядом монотонное, раздражающее сопение Григория, раскатистый храп отца в соседней комнате. Ворочалась с боку на бок, но уснуть не могла.

Не в силах больше лежать, тихонько встала, накинула теплую шаль и прокралась на крыльцо. С детства любила сидеть на ступенях и смотреть на звезды. Осенью они казались выше и холоднее, но не становились менее загадочными для меня. Я все думала, а что там, и как далеко они от нас находятся?

Что-то хрустнуло возле калитки. Я вгляделась в темноту и различила силуэт... Сердце екнуло, хоть и не думала уже, что оно на это способно. Знать, не все еще чувства умерли во мне. Иван не пошел мне навстречу, а ждал, когда подойду. Я не могла разглядеть в темноте его лицо, но видела блеск глаз.

– Как живешь, Вера? – спросил он, а у меня горло перехватило от нахлынувших чувств. Оказывается, ничего не прошло, все живет во мне, только схоронилось где-то глубоко-глубоко. – Счастлива ли ты со своим мужем?

Не стану я с ним обсуждать Григория. Не заслужил он такого позора.

– Он хороший, добрый...

– Любишь его?

Что же ты за человек, Ваня? Как можешь задавать такие вопросы?

Я молчала и думала, стоит ли уйти прямо сейчас или постоять еще немного. Не гнева отцовского боялась, а своей реакции. Ну как не совладаю с чувствами и брошусь ему на шею? Тогда мне одна дорога останется – в омут с головой. И не страшит меня омут, все равно жизнь немила. Но не имею права я губить еще не родившуюся жизнь.

– Молчишь? Ну, молчи, молчи... Не могу без тебя, Верка, не могу, – схватил он меня и прижал к себе. – Убью я его!

– Пусти, Вань. – Губы одеревенели и слушались с трудом. Руки висели, словно плети. – Пусти!

Повторять не пришлось, Иван отпустил меня и даже отошел на шаг.

- Не бери грех на душу. Оставь его и меня. Ребенок у нас будет.

Какое-то время он молчал, опустив голову. А потом посмотрел на меня потухшими глазами.

- Вон как все обернулось, - заговорил Иван не своим голосом. - Я хотел весь мир сложить к твоим ногам, но, видно, не судьба.

- Не судьба... - как эхо повторила я.

- Возьми это. - Иван взял меня за руку и вложил в нее что-то холодное и тяжелое. - Я сделал это для тебя, но подарить так и не успел.

- Вань... прости.

- Прощай, Вера. Береги себя.

Я еще долго стояла возле калитки. Ноги, словно приросли к земле. Очнулась, когда стала подмерзать. Только тогда пошла в дом.

В сенях меня дожидалась мать со свечой в руке.

- Где была? - шепотом спросила она.

- Воздухом дышала, не спалось...

- Что у тебя там? - Мать кивнула на мой сжатый кулак.

- Ничего.

- Он приходил, да?

- Никто не приходил, - устало ответила я. От слабости меня слегка шатало. Но кулак я сжала крепче и почувствовала, как палец прожгла боль.

- Покажи, что дал он тебе, - попросила мать.

Мне вдруг так жалко ее стало. Ведь она все понимает и жалеет меня, но ничего поделать не может. Я разжала кулак и увидела брошь, усыпанную камнями.

– Ты укололась? – заметила мать кровь у меня на пальцах. – Ох, не к бобру все это, – покачала она головой. – Давай снесем ее в монастырь, подарим им...

– Нет! Это все, что у меня от него осталось. В ней частица его души, и я буду хранить ее, как зеницу ока.

– И твоя кровь... Ох, не к добру... Цыган, ведь, он. – Одинокая слеза скатилась по материнной щеке.

Я снова зажала брошь в кулак, не обращая внимания на боль. Никому не позволю отнять ее у меня!

Глава 6

– Ты зачем это встала? – накинулась на меня бабушка, когда я, зевая, вошла в кухню, влекомая аппетитными запахами.

У меня даже имелись костыли, к которым еще только предстояло привыкнуть. Об этом позаботилась вездесущая Наташа. Нашла их у себя дома, что хранились в чулане со времен молодости ее отца, когда тот ломал ногу. Костыли мне даже понравились – резные, лакированные, сделанные на совесть. Правда передвигалась на них я со скоростью черепахи, но эту помеху собиралась устранить упорными тренировками. Должна же я справиться с такой нехитрой премудростью.

– Не могу больше лежать, бока болят.

– А нога? Болит? И чего это ты босиком?

– Да, нормально все, бабуль. Нога не болит, и полы у нас теплые.

На столе уже висилась небольшая горка блинчиков, и бабуля, по всей видимости, дожаривала остатки. Блины я любила всегда. Даже если голодной не была, от одного запаха аппетит разыгрывался. Поэтому, сразу принялась за дело. Мужественно собралась налить себе кофе, но бабуля не разрешила.

- Сиди уже, хромоножка. Ишь, расскакалась...

Она сама налила мне большую чашку кофе и придвинула ближе тарелку с блинами.

- Кушай досыта, а потом Наташку позовем, чтоб укол сделала.

- Не, сегодня не надо. Думаю, выдержу. Эти уколы такие болючие, сил нет. Уж лучше я без них как-нибудь.

- Ну, смотри...

Когда с блинами было покончено, бабуля присела рядом и устало облокотилась на стол.

- Я сегодня с трех часов без сна. Тревога какая-то. Ты хорошо спала?

Вопрос, конечно, интересный. Мне вот казалось, что я глаз не сомкнула, хоть и усталости не чувствовала. Слово я всю ночь кино смотрела сквозь дрему. А в кино разыгрывалась человеческая драма. И вроде бы я со стороны наблюдала, но в то же время была главной действующей героиней. Как такое возможно, уму непостижимо.

- Что, опять Верка снилась? - буднично спросила бабуля.

Я чуть со стула не упала. Я-то решила не говорить с ней больше о своих снах, чтобы не расстраивать, а она, похоже, и не собирается переживать.

- Да не смотри ты так на меня. Не ты первая, кому она снится.

- Как это? - не донесла я блин до рта. - Ты тоже ее видела? То же самое?..

– Ну что там конкретно тебе снится, не знаю, но только Верку и я, и мать моя, и бабка, и твоя мамка... а вот теперь и ты... Она ко всем нам приходит.

– Как так, бабуль? Может, хоть объяснишь? И почему ты вчера мне ничего не сказала? – возмутилась я.

– А вдруг все закончилось бы? Чего зря пугать-то?

Ничего себе заявочки! Я не знала, пугаться мне или возмущаться. Получается, Вера снилась всем женщинам в нашем роду. Но разве такое вероятно? Мистика какая-то получается. И почему я раньше об этом ничего не слышала? Как бабуля, строгая и набожная, могла допустить подобную беспечность?

– Ну, а что ты хочешь?.. – заговорила она, когда я озвучила вопрос. – Как про такое можно рассказать ребенку? Да и зачем... И потом, я сама не понимаю, что это такое. Да и давно это было в последний раз. Маме твоей Вера приснилась пару раз и все. Да и тебе, скорее всего, больше не явится...

Почему-то, я так не считала. Уж больно слабо это смахивало на сон. Слишком реальной была картинка. Да и картинка ли? Во сне Верой была именно я. Все чувствовала, даже боль. А душевные переживания порой становились сильнее физической боли. Какой же это сон? И потом, слишком уж поступательными становились видения, словно Вера насильно рассказывает мне свою историю. Вроде как чего-то ждет от меня и в то же время не дает вмешиваться в ход событий. Не раз, именно во сне, я ловила себя на мысли, что не поступила бы, как она, что сказала бы или сделала по-другому. Так нет же, меня словно держали на расстоянии, заставляли смотреть, но не разрешали приближаться.

– Бабуль, а что видела ты?

– Ой, да я уж и не помню точно... Так, нелепица какая-то. Как Верка с матерью ссорилась... Еще что-то в том же роде. Знаешь, – улыбнулась она, – я, ведь, ни Верку, ни мать ее никогда не встречала. Так интересно было на них посмотреть.

Да что же это такое?! Неужели, я все драматизирую? Или сошла с ума? Только, как нелепицу, сны свои не могла воспринимать. Больше склонялась к мысли, что затуманено сознание именно у бабушки.

– Бабуль, а ты счастлива? – Вопрос сорвался сам, подумать я не успела.

– Конечно! Что за вопрос? – нахмурилась бабушка. – У меня же есть ты...

– Да, я не об этом... Я про деда, вернее, про вас... Он ведь ушел, вы и пожить не успели?

– Да, какой он тебе дед! Так, недоразумение. – Бабушка задумалась, а потом улыбнулась как-то очень по-доброму. – Знаешь, я бы сейчас никогда такого себе не выбрала: ни рыла, ни мыла... Плюгавенький, одним словом. Но, его есть за что благодарить. Он подарил мне твою маму, а она – тебя!

– Ну, все-таки, – настаивала я, – хлебнула, наверное, в молодости?

– Без мужика плохо, это я знаю точно. И без любви, – совсем тихо добавила бабуля.

Я задумалась, делая вид, что наблюдаю за играющей во дворе ребятней. Как бы бабуля не храбрилась, видно, что разговоры о муже, который бросил ее, едва женившись, неприятны. И слез, наверное, пролила немало в свое время. Да и сейчас, скорее всего, нет-нет, да вздохнет с сожалением, что не о такой жизни мечтала.

– Бабуль, – снова пристала я, – а мама была счастлива?

Прости, родная, что бережу старую рану, но это не праздные вопросы. Ответы на них важны для меня, и, кроме тебя, никто их дать не может.

– Твоя мама познала в жизни самое главное – настоящую любовь. Да, она была счастлива, хоть и совсем недолго.

Мама очень любила папу, я слышала об этом не раз от бабушки. Но что же это за скоротечное счастье-то такое? Ведь года же не прожили вместе. Папа умер раньше, чем я родилась. Да и мама пережила его на несколько месяцев. Нет. Не должно быть счастье таким!

В моей голове выстроилась логическая цепочка – мать Веры не была счастлива с мужем-тираном, сама Вера пострадала от несчастной любви. Про бабулиных бабушку и маму я не спрашивала, но что-то мне подсказывало, что и у них не все в жизни складывалось гладко. Можно уже по тому судить, что никогда мне бабуля о них не рассказывала. Дальше они с мамой... А сейчас моя очередь? Но, я хочу быть счастливой вопреки всему. И никакой рок не в силах мне помешать. Я твердо намерена выцарапать себе счастье у коварной судьбы.

– А как к нам попала та брошка, ты знаешь?

Я постаралась задать вопрос так, словно перевожу разговор на другую тему. Реакция бабули подсказала, что не следует посвящать ее в подробности. И вообще, раз в моей семье не придавался этим снам особый смысл, то, значит, и разбираться с ними я буду сама.

– Брошка?.. Ну, кстати, именно Верке ее и подарили, – кивнула бабушка. – А вот кто, не знаю. Или, может, запомнила. Скорее всего, мама мне что-то рассказывала, но стерлось из памяти. Да и вообще я успела забыть и про саму брошь. Странно вообще, что она нашлась – столько времени считалась потерянной.

После сегодняшнего сна, факт находки броши я тоже не считала странным. Внезапная мысль пригвоздила к стулу: с тех пор, как мне стала сниться Вера, жизнь моя потекла запрограммированно, ни одно событие, произошедшее со мной, нельзя считать случайным. И что-то я должна сделать, осталось выяснить, что именно.

Трель телефонного звонка вырвала меня из задумчивости.

– Межгород, – спохватилась бабушка и поспешила из кухни.

Я решила спокойно продолжить завтрак. Если мне и есть, о чем думать, то это не минутное дело, так что вполне может подождать.

Вернулась бабушка, и выглядела она озадаченной.

– Что случилось?

Какие еще сюрпризы меня ожидают?

- Даже не знаю, как сказать... - замялась бабушка.

- Бабуль, ну не томи! Кто звонил-то?

- Тетя Галя.

Это бабушкина подруга детства. Они не через всю жизнь пронесли свою дружбу. В юности судьба раскидала их, вернее, выкинула бабушку. В четырнадцать лет она уехала в другой город из родного села поступать в техникум и больше уже туда не вернулась. Тетя Галя же отучилась в районном центре и вернулась в родное село. Пару раз они встречались на каникулах, пока в селе том жила мама бабушки. А потом и она перебралась поближе к дочке. Вот так и получилось, что общаться с тетей Галей они перестали. А года два назад они случайно нашли друг друга в Одноклассниках. Оказывается, тетя Галя так и живет в том селе. С тех пор бабуля раза два в год ездит к ней в гости. Пару раз тетя Галя приезжала к нам. Можно сказать, что они снова подружились.

- И что она?.. Почему у тебя такое лицо?

- Да, понимаешь, проблема у нее. Просит приехать.

- Ну съезди, в чем проблема-то?

До родного села от нас было не очень далеко - шесть часов на автобусе.

- Да, в Мурманске она.

- Как в Мурманске? А что она там делает?

Как поняла из дальнейшего рассказа бабушки, уехала тетя Галя в Мурманск к своей дочери. Я и раньше что-то слышала, вроде как дочь у нее не очень путевая. С мужем развелась, растит девочку от него. Не работает, при этом умудряется выпивать. А недавно она еще и мальчика родила неизвестно от кого. Если раньше она хоть случайными заработками перебивалась, то сейчас надежда только на пенсию тети Гали.

- Болеет тетя Галя, сильно. И Светка загуляла, дома не появляется. А Егорка еще совсем маленький. И кроме меня помочь им некому.

- Дела... - протянула я.

До Мурманска от нас ехать около двух суток на поезде. Далековато... И не поехать бабушка не может - подруге ее и обратиться больше не к кому.

- А ты к Новому году-то вернешься?

- В том-то и дело, что не знаю. - Бабуля чуть не плакала. - И ты еще разболелась...

- Обо мне не беспокойся. Ходить я могу, значит, справлюсь. Не хотелось бы праздник отмечать без тебя.

Если она не вернется к Новому году, это будет впервые, когда я буду встречать его без бабушки. Как-то странно... я уже привыкла, что она все время рядом. Две недели, что она провела в больнице, и то показались мне вечностью. Но, с другой стороны, я же уже не маленькая, и хватит меня опекать.

- Поезжай, бабуль. Со мной все будет хорошо.

Она как-то сразу успокоилась. Боялась, наверное, что не отпущу. Неужели я произвожу впечатление такой эгоистки?

Через час бабуля уже вернулась с билетом на первый проходящий поезд до Мурманска. Энергия из нее била через край - желание помочь подруге даже сделало ее моложе внешне. Я подбадривала, как могла, когда ловила на себе виноватые взгляды.

Вечером Наташа вместо меня проводила бабушку на вокзал.

- Хочешь, поживу у тебя пока? - спросила подруга, когда мы сидели в кухне и пили чай.

Я тут же представила ее у себя дома и затосковала. От ее энергии, бьющей через край, я уставала через пару часов. Это максимум, сколько я могла выдержать подругу непрерывно. Да и вообще, пора испытать себя на взрослость, смогу ли справиться сама. Теперь осталось отказать Наташке так, чтобы не обиделась.

Но она и сама все поняла по моему лицу:

– Не хочешь, не надо, – бодро заговорила она. Я незаметно перевела дух – обиды в ее голосе не слышалось. – Честно говоря, мне есть чем заняться. У Толика родители уезжают на две недели в горы. Он предложил пожить у него. Так что... – Она весело развела руками. – Но ты не думай, что я тебя брошу. Не дожدهшься, – засмеялась она. – Каждый день буду проверять, ну или через день.

* * *

В первую же ночь самостоятельной жизни я проснулась в холодном поту с шевелящимися от ужаса волосами. Только что я была близка к убийству! Я смотрела в темноту и до сих пор отчетливо видела Веру-себя с занесенным над мужем ножом.

Что я чувствовала в тот момент! Дикое желание убить. Вонзить в него нож несколько раз, по самую рукоятку. Смотрела на по-детски невинное лицо, причмокивающее во сне, и ненавидела. Никогда и ни к кому не испытывала подобной ненависти.

Вот она поднимает нож, удерживая его обеими руками. Я чувствую холод рукоятки, сжимаю ее что есть силы пальцами. Сорочка колыхается вокруг ног, не скрывая огромного живота. Глаза дикие, волосы растрепаны. Я с такой силой сжала зубы, что они скрипят, того и гляди начнут крошиться.

Господи! Она так ненавидит, что готова взять грех на душу. Ведь уже на сносях...

Я смотрела в темноту и видела перед собой дикую и растрепанную Веру, с горящими глазами.

По телу пробежал озноб, словно подул прохладный ветер. Страх накатывал волнами, даже дышать стало трудно. Я нащупала кнопку бра на стене и с силой втопила ее. Слабый свет залил комнату, и с ним исчезли призраки, рожденные фантазией. Уже никто не прятался в углах и не покушался на мою жизнь.

Что же там произошло дальше? Страшно было даже представить, что Вера завершила начатое. Но и не верилось, что она смогла остановиться. Я вспомнила, как проснулась, почувствовав слабое шевеление внутри. Это же Верин ребенок! Она чувствовала то же. Мы обе ощутили в себе присутствие маленькой жизни. Но, подействовало ли на нее это так же, как на меня?

В сон клонило со страшной силой. Я улеглась на подушку и укрылась с головой одеялом, оставляя только нос снаружи. Бра выключать не стала, чтобы не вернулись ночные призраки.

Глава 7

И все-таки одной справляться было тяжеловато. От передвижения даже по квартире нога начинала болеть и не сразу проходила, когда я устраивала ее на диване. Дома не осталось хлеба, и молока едва хватило на чашку утреннего кофе. Значит, нужно собираться в магазин. А как это сделать, я пока представляла с трудом. До магазина всего-то метров сто от подъезда, но в сложившихся обстоятельствах они превращались в километр, а то и больше. Кроме того, за ночь подморозило, и то, что вчера было тающим снегом, превратилось в колдобины льда.

А еще мне мешали мысли. Вспоминался сон и дикая Вера. Никак не могла отвлечься. Не помогал ни телевизор, где, как обычно, не показывали ничего интересного, сплошная сводка криминальных новостей по всем каналам, ни книга, в которой приходилось несколько раз прочитывать одно и то же, чтобы уловить смысл.

Настроение мое лавировало между хандрой и жалостью к себе. Поторопилась я заверить бабулю, что справлюсь тут без нее. Как бы сейчас было здорово, если бы она хлопотала на кухне, иногда заглядывая в комнату и справляясь, все ли у меня в порядке. Но бабуля далеко, а мне как-то нужно взять себя в руки, чтобы

не раскиснуть окончательно.

Ближе к обеду я поняла, что избежать похода в магазин не получится. Наташка у бойфренда, вряд ли сегодня вспомнит о больной подруге, а кроме нее надеяться не на кого.

Первый сюрприз меня ожидал, когда стала обувать сапог. Хоть голенище и выглядело широким, нога в гипсе была для него великовата, замок не сходился. Пришлось обмотать его поясом от халата – ничего лучше я не придумала. Дальше предстоял спуск по лестнице. И делать это на костылях было сродни мастерству эквилибристики. Каждый шаг можно приравнять к подвигу. Я даже пересчитала ступени – их, оказывается, по одиннадцать в каждом пролете, не считая четырех цокольных.

Улица встретила ветром и мелким снегом. Как ни странно, идти было легче, чем я думала. Подморозило не сильно, ноги не скользили, а костыли как раз в меру проваливались в рыхлый ледок. Больше срабатывал страх, что если от нагрузки нога будет плохо или неправильно срастаться. Наверное, поэтому я хромала сильнее, чем следовало, и шла медленнее, чем могла бы.

– Женька, что это с тобой?

– Бандитская пуля, – ответила я Вале – однокласснице.

Она, как и я, сразу после школы устроилась продавцом в нашу стекляшку, как мы называли маленький продовольственный магазинчик. И хоть мы никогда не были подругами, порой ничего не значащих фраз перебрасывались всегда.

– А чего сама-то пришла?

– Да, бабуле нужно было срочно уехать.

– Ну ты даешь!..

Что хотела сказать Валя, я так и не поняла, да не больно-то и стремилась. В ее интонации я сочувствия тоже не расслышала, да и не нужно оно мне. Не зря мы с ней в школе не общались – видно, на разных полюсах находились.

Я купила все необходимое и поспешила, если можно так сказать, домой. Хотелось поскорее оказаться в тепле, разогреть борща, которого бабуля наготовила дня на три вперед, а мне одной – так и на всю неделю, наесться, а потом поспать. Дневной сон люблю с детства, еще с сада, а, учитывая, что полночи тряслась от страха, так спать хотелось еще сильнее.

Возле подъезда меня поджидал сюрприз в лице Захара. Совсем про него забыла. И, если не ошибаюсь, он собирался прийти вчера.

– Привет! А я-то думаю, куда все пропали. А тебе, значит, погеройствоваться захотелось?

Он, как стоял, привалившись к машине, так и не сменил позы. Наблюдал, как я неуверенно ковыляю к крыльцу. Комментировать его едкую реплику не хотелось, поэтому я ограничилась коротким «привет». Как назло, разболелась нога, и каждый шаг давался с трудом. Невольно морщилась, что не укрылась от Захара.

– Давай костыли, – велел Захар, подходя ко мне.

Вот еще! А на второй этаж я взлететь что ли должна? Да и упрямство сработало и мешало мыслить логически.

– Зачем? – задала я, возможно, не самый умный вопрос.

Отвечать Захар не счел нужным – молча забрал у меня костыли и, подхватив меня на руки, понес в подъезд. Если я и хотела сопротивляться, то сил не осталось.

– Может, отпнешь дверь?

Действительно, чего это я – устроилась у него на руках и не замечаю, что мы уже какое-то время топчемся под дверью.

Дома Захар отнес меня прямиком на диван и помог раздеться. Прямо, мать Тереза.

– Хитрая конструкция, – посмеялся он, расшнуровывая мой сапог. – Болит? – сочувственно поинтересовался, освобождая ногу.

– Есть немного, – вынуждена была признаться, с удовольствием откидываясь в подушки. Что ни говори, а за помощь я ему была благодарна. Если бы не он, неизвестно, как бы и сколько времени я добиралась до квартиры.

– Давай, укол сделаю...

Ну, уж нет! Этого только мне не хватало. Я представила, как Захар, на манер Наташи, делит мою ягодицу на четыре части, и чуть не рассмеялась.

– Не надо. Само пройдет. Уже проходит, – поспешила добавить, хоть это и не было правдой. Ногу ломило и выкручивало со страшной силой.

– Зачем героя из себя корчишь? Почему бабушка не пошла в магазин? – нахмурился Захар.

– Так нет ее...

Я рассказала ему, как бабуля была вынуждена уехать в срочном порядке. Захар какое-то время возмущался, что подруга бабуле важнее, чем собственная внучка. Пришлось дополнительно объяснить ему, что ситуация у тети Гали сложилась серьезнее некуда, что малыш там совсем беспомощный, и сама тетя Галя не встает с постели.

– Как видишь, не поехать бабуля не могла. Кроме нее им и помочь некому.

– Да уж... Ладно, я буду твоей бабулей, – усмехнулся Захар.

Тут я снова представила себе его в бабушкином переднике, жарящего блинчики, и не выдержала – рассмеялась. Потом мы смеялись вместе, когда я описала свои видения.

– Будем считать, что сеанс смехотерапии ты получила, – сказал Захар, вытирая слезы. – И я вместе с тобой...

– А тебе работать не нужно?

Перспектива, что он постоянно будет околачиваться в моей квартире, радовала все меньше. Сама не понимала своего отношения к Захару. С одной стороны, я была благодарна ему за помощь, с другой – не могла избавиться от мысли, что делает он все не просто так. Откуда взялись такие мысли, ума не приложу. Ничего подозрительного в словах и поступках Захара не было. Разве что, иногда мне казалось, что действует он через силу, словно заставляя себя. Но, опять же, это могло быть только игрой моего воображения. А может все дело в том, что не верила я в такую вот симпатию, на ровном месте. Скорее наоборот, начавшуюся с явной антипатии. В общем, я слегка успокоилась, когда Захар ответил:

– Нужно, конечно. И не собираюсь я у тебя торчать целыми днями. Но приходить навещать буду.

Вот и славно!

Захар ушел на кухню, подогревать обед. Я закрыла глаза и не заметила, как задремала.

* * *

Ох, как же больно! Волна накатила такой силы, что дышать стало нечем. Я вытянулась струной и не могу пошевелиться. Кричать тоже не могу. Живот, словно в огне, а тело покрыто ледяной испариной.

– Терпи, родная, так всегда бывает, – сквозь туман слышу голос матери. – Мы, бабы, все через это проходим и не умираем. Покричи, легче станет.

Зачем она говорит мне все это?! Зачем она вообще что-то говорит? Не хочу мучиться, не нужен мне этот ребенок. Как и отец его!.. Никто мне не нужен, как и жизнь сама. Получить бы сейчас забвение, как награду за все страдания.

Боль медленно отступает, и я смогла повернуть голову. Григорий трясется в углу, затравленно смотрит на меня. Как же он мне ненавистен!

- Пусть уйдет, - попросила я мать. Во рту пересохло, губы не слушались. - Пить...

Это все, что я успела сказать до новой волны боли.

Сколько длилась агония, не помню. В перерывах между схватками я бредила. Вот отец заходит в комнату и что-то говорит мне с улыбкой, той самой, о которой я успела забыть, потому что отец перестал улыбаться. Мама стряпает пироги... Протяжно мычит корова в хлеву. Хотя, корова мне вряд ли привиделась. Скорее всего, реальность наложилась на беспомощность. Так же временами мелькало озабоченное лицо бабки-повитухи - металась она с тряпками и тазами по комнате.

- Тужься, родная. Скоро все закончится. Тужься! - кричит мать. - Задушишь мальчика!

Как же я могу тужиться, если не работает ни один мускул. Так ему и надо, пусть задохнется...

- Нужно доставать. Времени больше нет, сам не пройдет, - вроде, говорит повитуха.

Адская боль прорезает тело, и вместе с ней я слышу нечеловеческий крик. Кричу я, - успеваю подумать, проваливаясь в темноту.

* * *

- Вера, проснись. Вера! Да, что с тобой?!

Я открыла глаза, все еще ощущая боль. Рядом сидел перепуганный Захар.

- Что случилось? - Голос показался чужим, такой он был у меня хриплый.

- Ты кричала во сне?

- Я кричала?

- Ты орала, будто тебя режут на куски.

- Господи, какой кошмар! - Я наклонилась вперед и спрятала лицо в ладонях. - Это было так ужасно...

- Что было-то? Тебе приснился страшный сон?

Захар отвел мои руки в стороны и заставил посмотреть на себя.

- Что тебе снилось?

- Я хотела его убить.

- Кого?

Как я могу рассказать? Кто поверит, что во сне я живу чужой жизнью, если даже бабушка не придавала этому значения? А Захар и вовсе решит, что я сумасшедшая. И потом, если рассказывать, то все сначала. А я не могу... снова пройти через это.

- Это был просто кошмар. Забудь, - как можно увереннее попыталась ответить я.

Какое-то время Захар продолжал меня рассматривать, а потом с тенью обиды в голосе произнес:

- Как хочешь. Сейчас кормить тебя буду. Не спи...

Через десять минут, когда я уже измучилась прокручивать в голове сон, Захар вернулся с уставленным подносом. Заставил меня удобнее сесть и положил поднос на ноги.

- Не очень удобно, понимаю. Но лучше, чем идти на кухню. Лопай, - велел он.

- Тут все, что ты нашел в холодильнике?

Такого разнообразного обеденного меню у меня еще не было. В центре подноса красовалась самая большая из глубоких тарелок борща с щедрой порцией сметаны. Бутерброды с маслом, колбасой, сыром... Варенье в маленькой вазочке. Гроздь винограда на блюде. Остатки пельменей тоже в глубокой, но поменьше, тарелке и тоже улитые сметаной. И огромная чашка чая с молоком.

- Я все это должна съесть?

- Я помогу тебе, потому что, если честно, ужасно проголодался. И нанюхался к тому же...

- И что будешь есть ты?

- Если ты не против, то борщ. Обожаю такой вот - красный, густой... И чтоб сметаны побольше.

Определенно, у него талант смешить меня. Я чуть не расплескала все, пока смеялась. Захару пришлось держать поднос, пока не успокоюсь. Ну конечно, как я могла подумать, что столько борща он мог принести мне?

В итоге, Захар съел почти все. Я поклевала пельменей, насколько позволил вялый аппетит. Меня все еще лихорадило, то ли после вынужденной прогулки, то ли после сна.

Когда посуда на подносе опустела, Захар снова оставил меня одну - пошел прибираться на кухне и мыть тарелки. Вернулся через несколько минут и с видом сытого кота развалился в кресле. Меня неприятно кольнула мысль, что ведет он себя слишком по-хозяйски.

- Расскажи о себе, - попросила я, чтобы вырвать его из состояния послеобеденной дремы. Еще не хватало, чтобы он уснул тут.

- А что тебя интересует?

- Все.

- Вот так прям все? - рассмеялся он.

– Да все. Про меня ты знаешь много, даже в дом вхож. А про себя молчишь, как партизан.

Уточнять не стала, что в гости он пришел сам, никто его не приглашал. Может, в его семье так и принято, но меня воспитывали по-другому. И такое поведение я расценивала, как навязчивое и неискреннее.

– Про себя не интересно. Но если ты хочешь, то ладно. – Захар замолчал ненадолго, а потом продолжил: – Живем мы с мамой и сестренкой. Занимаюсь ювелирным делом. Бизнес неплохой, прибыльный, нам хватает. Институт не заканчивал, как-то не получилось. А Ленка поступила в этом году, скоро первая сессия... Учится на бухгалтера.

И это все? По лицу Захара я поняла, что продолжать он не собирается. Не густо, мягко говоря.

– А сколько тебе лет? – Отставать я тоже не собиралась.

Что-то стало с его лицом, оно резко заострилось, или у меня галлюцинации. И во взгляде появилась затравленность, словно я попросила Захара выдать государственную тайну.

– Я спросила что-то не то? – вырвалось у меня, так напугала перемена.

Видно было, как он борется с собой, пытается совладать с чувствами. Постепенно лицо его приняло нормальное выражение, но напряжение из взгляда не исчезло, лишь спряталось поглубже.

– Все нормально, извини. Мне двадцать девять... Скоро будет тридцать.

– Скоро? Это когда?

Да что происходит? Он так сморщился, словно я спросила, сколько у него было любовниц. Странная реакция на невинный вопрос.

– В марте.

– Рыба или Овен?

– Второе...

Упертый, значит.

– А сколько лет твоей сестре?

– Восемнадцать.

Стоило заговорить о сестре, как лицо Захара сразу преобразилось – посветлело, на губах заиграла улыбка. Получается, нельзя говорить только о нем лично? Очень странно. Какая-то темная лошадка.

– А почему ты решил стать ювелиром?

– Я, как сорока, люблю все яркое.

Отшутился? Упорно не хочет рассказывать о себе. Ну и ладно, не больно-то хотелось.

Я откинулась на подушки и прикрыла глаза. Захар расценил это, как намек, что засиделся в гостях.

– Я пойду... Нужно еще поработать.

Хоть ничего такого и не имела в виду, но тихо порадовалась. Не чувствовала себя свободно при нем, чем-то он меня напрягал. Да и беседа наша не клеилась.

– Завтра зайду.

Как же... Помнится, в прошлый раз ты тоже это обещал, а не пришел. Не обещай, раз не собираешься выполнять. Хотя, мне-то что, придет он или нет?

Я настроилась скучать оставшуюся половину дня, но мне не позволили. Не успел уйти Захар, как прибежала Наташа. Она долго и в подробностях рассказывала

про своего нового бойфренда, и как им живется в отсутствии его родителей. Уходя, настояла на уколе. Никакие сопротивления не действовали – обезболивающее вколола практически силком.

– Вдруг разболится, что делать будешь?

В общем-то, я была даже благодарна ей, потому что после прогулки боль так и не прошла, а лишь притупилась. А вот после укола сразу полегчало.

Вечером меня навестили с работы. Пришли Наталья Владимировна и Светлана Львовна – наши бухгалтера. Они принесли мой любимый шоколадный торт. Мы долго пили чай и говорили, говорили, пока они не пересказали мне все наши новости и сплетни.

После непривычного наплыва гостей я так устала, что уснула при включенном телевизоре. И, слава богу, в этот раз мне ничего не приснилось.

Глава 8

Захар пришел, как и обещал. Не то чтобы я ждала его, но срабатывал спортивный интерес – сдержит слово или нет. Да и скучно было сидеть в четырех стенах одной. Вчерашний геройский поступок по вылазке из дома повторить не решилась. Да и снег валил с самого утра – никакие костыли не спасут.

– Будешь угощаться борщом? – не удержалась и подколола Захара, пока он раздевался в коридоре.

– Спасибо, я сыт.

Прозвучало, как «спасибо, я сыт тобой по горло».

Или у меня паранойя в зачаточном состоянии, или он ходит ко мне через силу. Эта мысль всегда появлялась, когда видела его. Или он со всеми такой? Тогда он пренеприятнейший тип, отвратительный даже.

- Слушай, зачем ты это делаешь? - не выдержала, спросила в лоб.

- Что именно? - оторвался Захар от разглядывания фотографий, которые бабуля расставила в серванте.

- Ходишь ко мне? Тебе же это неприятно.

- С чего взяла?

- Вижу. - Я пожала плечами и демонстративно уткнулась в книгу. Хочет корчить из себя дурачка, флаг ему...

- Скажем так, я чувствую себя виноватым.

- В чем?

Мог бы и соврать, что нравлюсь ему. Хотя, нет, лучше не надо.

- Ну, я тебя чуть не сбил. Раз. А потом, ты упала и сломала ногу.

- Ты-то тут при чем? Не ты же меня толкнул.

- Но я не подоспел вовремя, - усмехнулся Захар.

- Глупость какая-то. Как у Чехова, честное слово.

- В смысле?

Ну конечно, куда тебе. Я посмотрела на Захара, он действительно не понимал, о чем я. Мне же ситуация напомнила рассказ Чехова «Смерть чиновника», а Захар того экзекутора, что чихнул в театре на генерала. Это значит, что себя я сравнила с генералом? Скромна, ничего не скажешь.

- Ничего, забудь, - едва не смеясь, отмахнулась я. - Все нормально.

И чего я к нему привязалась? На маньяка не похож. Может, правда чувствует вину за собой.

Чтобы загладить свою вину, я пригласила Захара попить чаю с тортом. И даже сама поухаживала за ним. Мы долго и чинно прихлебывали чай и почти не разговаривали. Я намеренно этого не делала – ждала, когда первым заговорит Захар. А ему, по всей видимости, и так было комфортно. Сидел себе, разглядывал непогоду за окном.

– Дома не надоело сидеть? – нарушил он, наконец, тишину.

– А у меня есть выбор?

Если бы не этот дурацкий гипс, я бы сейчас работала. А по вечерам гуляла бы, любовалась бы новогодними витринами. А так, никакого предпраздничного настроения. Еще и бабуля уехала. Тоска зеленая.

– Хочешь, покатаемся? – предложил он, собирая и складывая в раковину грязную посуду.

– А тебе работать не нужно?

– Я могу это себе позволить.

Он быстро сполоснул чашки с тарелками и сложил их в сушилку.

– Так, что ты надумала? – повернулся ко мне, вытирая руки о полотенце.

– Ну, поехали...

На улице смеркалось. А ведь пяти еще нет. Но сегодня и днем-то было пасмурно. Зима, декабрь... Я вдохнула морозного воздуха, губы сами растянулись в улыбку. Как же хорошо! Как же я люблю зиму в декабре!

Снег попадал на лицо, но не жалил. Мороза-то было от силы градусов пять. Всю зиму бы так.

Захар галантно распахнул дверцу машины, сделав приглашающий жест. А вот сесть элегантно у меня не получилось. Прикинув так и эдак, я повернулась к машине задом и плюхнулась на сидение, а потом уже подтянула ноги и примостила костыли, краем глаза уловив ухмылку Захара. Ну, да, не добавляю я романтики своим видом, но и ты не рыцарь, чего уж там.

Мы медленно ехали по темнеющим улицам. Тихонько играла музыка. Я смотрела в окно на спешащих куда-то людей. У каждого из них какие-то дела. Кому-то надо в садик за ребенком, кто-то пытается успеть выполнить последнее поручение в конце рабочего дня... Если бы я сейчас сидела в своем офисе, то, скорее всего, даже не догадывалась, что время приближается к пяти. Работаешь, как заведенная, глядь на часы, а уже и домой пора. Хорошо, если получится выключить компьютер ровно в пять. Но чаще всего кто-нибудь из агентов запаздывает и лихорадочно скидывает заявки до последнего. А ты их проводи... Не то, чтобы это меня сильно напрягало, так все-таки лучше, чем страдать от безделья, но всему есть своя мера. Постепенно накатывает такая усталость, что руки опускаются. Так что, в возможности поболеть перед самым Новым годом есть своя прелесть.

- О чем задумалась? - Голос Захара вернул меня в реальность.

- О жизни.

- И как оно?

- Не очень...

Как-то незаметно пришла к выводу, что живу скучно. Наташка вон с парнями встречается, меняет их, как перчатки. Я так не хочу, но, наверное, и мне уже пора завести ухажера, как выражается бабуля.

Бросила косой взгляд на Захара. Годится он на роль ухажера? Ну, если только с большой натяжкой, от безысходности. Странные у нас какие-то отношения. Вроде чувствуется интерес с его стороны, но какой-то поверхностный, ненатуральный. Да и я тоже хороша - позволяю ему проявлять так называемую заботу, а благодарности не испытываю.

- У тебя точно все хорошо? Какая-то ты странная сегодня...

- Да, нормально. Скучно, просто.

- А поехали на площадь. Там уже елку нарядили. С горы можно покататься. Любишь?

- Ну, конечно!

Издевается он что ли?! Или это дружеская подколка?

- Тьфу ты! Забыл, - Захар кивнул на мою ногу. - Ну, просто посидим, на красоту полюбуемся.

Мне было все равно - на площадь, так на площадь. Я знала, что там установили елку, но пока даже мимо не проезжала и не проходила. Далековато эта площадь от моего дома.

Лесная красавица величаво смотрела в небо, искрясь праздничным убранством. Она была такая огромная, что с трудом верилось в ее настоящесть. Повсюду играла музыка, в каждом кафе своя. Но, как ни странно, какофония создавалась приятная, не напрягающая слух. С лотков продавали разные сладости и напитки, в том числе и спиртные. Народ смеялся, дурачился, катался с крутой горы, которую устанавливали каждый год в декабре.

- Куда пойдём? Может, вон в то кафе? - Захар указал на резную избу, сверкающую не хуже елки.

Я представила, как мы садимся за столик, официантка приносит меню, мы чинно выбираем, чем полакомиться и... атмосфера праздника остается за дверью кафе.

- Нет, - тряхнула я головой. - Давай посидим на улице.

- Отлично! - Захар высмотрел свободную лавочку меж двух елочек, растущих по периметру площади. - Сиди, я сейчас...

Странное чувство овладело мной, когда он ушел. Сажу в тени, никому незаметная, и наблюдаю, словно подглядываю за весельем. И не гипс тому

виной. Не было бы его, пошла бы кататься с горы? Вряд ли, никогда не была любительницей острых ощущений. Мне нравилось, что я вижу всех, а меня – никто.

Захар возвращался, держа что-то в руках. На половине пути он резко развернулся, услышав свое имя. Какая-то девушка бежала к нему, поднимая в воздух снежную пыль. Налетев на него, чмокнула в щеку и что-то спросила. Жаль, ничего не слышу. Любопытно, кто это может быть. И вот они вдвоем уже направились в мою сторону.

– Знакомьтесь. Женя, – представил меня Захар девушке. – А это Ленка – моя сестра.

Живое, немного заостренное книзу лицо лучилось смехом. Вязаная шапочка съехала на бок, и тушь совсем чуть-чуть размазалась под глазами. Однако девушку это совсем не портило, а даже наоборот.

– Приятно познакомиться! – улыбнулась она. – А мы вот решили покататься, побеситься, в общем.

Хорошее у нее лицо, доброе. И какое-то знакомое. Но, наверное, все добрые лица чем-то похожи.

– Ой! А ты в гипсе что ли? – посерьезнела она. – Не вовремя, конечно.

– Лен, а когда вовремя? – засмеялся Захар. – Скажешь тоже...

– Ну, не знай... Никогда, наверное, – снова рассмеялась она. – Ну, глупость сморозила, и что?

– Думать надо.

– Не нуди, – пихнула она брата в бок. – Ладно, я пошла, а вы тут не скучайте.

И убежала, только ее и видели.

– Не очень вы похожи с сестрой, – посмотрела я на коренастого Захара с его суровым лицом.

– Мы от разных отцов. И потом... я уже старый. – Он протянул мне сверток, откуда выбивалась тоненькая струйка дыма.

– Что это? – Пахло умопомрачительно – жареным тестом и ванилью. – Это же пирожки с повидлом!

Как же давно я такие не ела! С детства, наверное. Уж и не думала, что их до сих пор готовят и продают. Длинные, круглые в диаметре, с большим количеством яблочного повидла внутри. Их складывают в пакет и присыпают сверху сахарной пудрой. Вкуснятина, ум отъесть можно.

Я съела три пирожка и поняла, что если позволю себе еще хоть один, то обязательно лопну. Захар оказался более стойким – он поглотил их не меньше пяти, пока не опустел пакет.

Снега насыпало прилично, и я зачерпнула горсть, чтобы смыть с рук сахарную пудру и почистить брюки, куда ее накидала тоже прилично. От тепла рук снежок быстро превратился в кусочек льда.

Пить хотелось нещадно. Словно прочитав мои мысли, Захар сказал:

– Попытка номер два пригласить тебя в кафе. Пошли, выпьем по чашечке кофе или еще чего?

На этот раз отказываться не стала. Кроме того, сидеть на лавке становилось холодновато.

Опасения, что в кафе будет полно пьяных, сразу же развеялось. Многие столики были заняты, и сидели за ними в основном парочки, мило чиркая друг с другом. Танцпол тоже не пустовал, но все было чинно и без разгульного угара.

Нас проводили за свободный столик. Не отпуская официантку, я тут же попросила принести бутылку колы.

– Любишь вредные напитки? – улыбнулся Захар.

– Безмерно! Торможу себя все время, чтобы не увлечься. Но иногда не получается... Да и не такая кола вредная, как говорят. Не вреднее любой газировки.

– А я ее терпеть не могу. Так. Посмотрим, что нам тут предлагают. – Захар раскрыл меню и принялся внимательно его изучать.

В тепле кафе меня разморило и начало клонить в сон. Я лениво смотрела по сторонам, пока внимание не сосредоточилось на Захаре.

Оказывается, он смуглый, чего раньше я не замечала. В полумраке кафе кожа его казалась бронзовой. Наверное, летом становится еще темнее. Стрижка хоть и короткая совсем, но достаточно стильная, мастерская. И за внешним видом следит, сразу видно. Синий батник явно куплен не на рынке – эксклюзивная, поди, модель. Да и спортивный зал посещает регулярно, судя по широким плечам и бицепсам.

– А почему ты решил стать ювелиром?

Не вязался он у меня внешне с представителями этой стариковской профессии. Скорее он походил на спортсмена или крутого бизнесмена. Хотя, может, ювелиров тоже можно отнести к этой области, не знаю. Никогда раньше не сталкивалась с ними.

– Вопрос, конечно, интересный. Только ответить на него не так-то и просто...

Захар задумался, и в этот момент как раз подошла официантка. Принесла мне колу и поинтересовалась, не готовы ли мы сделать заказ.

– Закажем пиццу, одну на двоих? – предложил Захар.

Есть не хотелось, но от кусочка пиццы не откажусь. К таким продуктам я тоже испытывала слабость. Мы выбрали пиццу «Четыре времени года». Захар еще заказал ягодный чай, а потом сам продолжил разговор, напоминать не пришлось:

– В старших классах я обожал физику. Мечтал поступить на физтех. Поэтому и не ушел в училище после восьмого. А сразу после школы решил, что нужно повременить с учебой. – Он сделал паузу. Я ей воспользовалась, чтобы сделать несколько глотков колы. – Мать нас одна растила. Отец умер, я еще под стол пешком ходил. Со вторым мужем – отцом Ленки – у нее не сложилось, через год развелись. Вечно работала на нескольких работах. Она переводчик по образованию. И работу брала на дом. Сколько помню себя, вечно сидела вечерами напролет – переводила какие-то тексты, книжки...

От отца осталось много ювелирных принадлежностей. Были и побрякушки, но их мать постепенно распродала. В детстве мне нравилось играть в ювелира – настраивать лампы, рассматривать камни в лупу. Особенно часто я возился с весами и набором гирек. Там были такие малюсенькие – по десять миллиграмм. Что я только не взвешивал, даже перья из подушки.

Так интересно было наблюдать за Захаром, когда воспоминания его захватывали, взгляд затуманивался, а на губах появлялась легкая улыбка. В такие моменты он даже казался мне симпатичным и выглядел намного моложе.

– Первую самостоятельную вещь я смастерил еще в седьмом классе – золотое кольцо, на обратной стороне которого выгравировал мамино имя. Оно совсем простое, гладкое и без камней, но мама тогда сказала, что никогда не носила кольца красивее. Не представляешь, как я гордился, что она не снимает то, что я сделал своими руками. Но это была и единственная моя вещь. Пока не закончил школу.

У нас еще оставались запасы лома, от отца. Мать их не продавала, словно знала, что могут пригодиться. Первый год после школы я сознательно не поступал в институт, устроился работать грузчиком. А по вечерам пытался смастерить что-нибудь приличное, практиковался на кольцах. Камни покупал дешевые – фианиты, самоцветы... Мама все хвалила, хоть и далеки мои поделки были от ювелирных изделий. Это я сейчас понимаю.

Как-то маминой подруге приглянулось одно из моих колец. Она купила его, не поскупившись. А потом стали появляться и другие покупатели. Я обрастал клиентурой. Люди делали заказы по моим эскизам. У меня появились деньги, чтобы арендовать закуток в промтоварном магазине. Клиентура разрасталась, денег становилось все больше, как и работы. В общем, об учебе я больше не думал. Сначала снимал квартиру под мастерскую, потом выкупил ее... Вот и все.

Несмотря на то, что вроде как Захар рассказывал о своем успешном становлении в жизни, осадок оставался грустный. Как-то все вынужденно получалось.

- И ты больше не мечтаешь поступить на физтех?

- Да, куда там! Я уже и забыл все, - невесело рассмеялся Захар.

В кафе мы засиделись допоздна. Захар меня о многом расспрашивал, пока я ему не рассказала почти все о своей семье в нескольких поколениях. Потом мы еще катались по ночному городу. Я себя поймала на мысли, что давно мне не было так хорошо. Даже физическая усталость была приятной.

Немного разочаровало поведение Захара, когда мы подъехали к моему дому. То ли он устал, то ли в принципе прогулка со мной не показалась ему интересной, но, пожелав спокойной ночи, он даже не вышел проводить меня до квартиры. Не то, чтобы я обиделась или нуждалась в его обществе, просто, наверное, привыкла к его заботе, а тут пришлось самой взбираться по лестнице на второй этаж.

Не успела я раздеться, как позвонила бабуля. Тот факт, что она будет звонить, чтобы сообщить, как добралась, я совершенно упустила из вида. Бабуля отругала меня за беспечность и черствость. Потом рассказала, что добралась она хорошо и приехала в Мурманск вовремя. Подруга ее слегла и надолго. Дочь тети Гали в очередном загуле. За детьми приглядывать некому. Конечно, мне меньше всего хотелось, чтобы бабушка, с ее сердцем и возрастом, занималась маленькими детьми, но мои возражения никто бы и слушать не стал. Раз она так решила, так тому и быть.

Пришлось пообещать бабуле, что буду звонить через день и докладывать, все ли у меня в порядке. Положив трубку, я поняла, что Новый год мне предстоит встретить без бабушки.

– Ты только глянь, какая красавица у нас уродилась. Ты моя прелесть, малюсенькая, но до чего же ладненькая получилась. Ну, тчи-тчи... не плачь, сокровище мое, – приговаривала мать, улюлюкая и сюсюкая.

«Уйди и унеси этот орущий сверток. Оставьте меня в покое, все!» Хотелось просто лежать с закрытыми глазами, никого не видеть и не слышать. Воспоминания о боли еще были свежи. Она словно унесла с собой желание жить, оставив одну постылость и пустоту в душе.

– Сейчас, моя кровинушка, мамка тебя покормит. Вера! – В голосе матери появилась сталь. – Посмотри на меня! Ребенок грудь хочет.

Кровать прогнулась под тяжестью ее тела. Я невольно открыла глаза. Мать сидела, тщетно пытаясь успокоить новорожденную. От ее крика вибрировало в ушах. Видно, придется накормить ее, чтобы замолкла.

– Дайте сюда, – сказала я, резко усаживаясь в кровати. Голова закружилась, и я откинулась на подушки. – Не могу больше слышать эти вопли.

– Ишь ты, какая нежная выискалась, – недовольно пробурчала мать. – Думаешь, ты не так требовала своего? Еще пуще орала.

Какой легкий кулек, невесомый практически. И шебуршитесь там что-то внутри. А запах... Я втянула носом ни с чем несравнимый аромат – тепла, нежности, беззащитности. В нем улавливалось что-то до боли знакомое, и в то же время это было совершенно новое ощущение. Захотелось прижаться носом к красному лобку, потереться об него, нанюхаться... Останавливало присутствие матери и внутреннее упрямство. Но как же быстро плавится лед в душе! Вот уже от него не осталось и следа.

Мать наблюдает за моей реакцией, вижу это боковым зрением. Не дождется! Ни за что не покажу, какая буря чувств сейчас бушует во мне.

Что же ты так кричишь, малышка? И как же тебя будут звать? Сейчас мамка накормит тебя.

Грудь набухла и слегка пульсировала. По наитию сжала сосок, пока не выступила на нем водянисто-белая капелька.

– Молоко-то синюшное, – всплеснула руками мать. – Дите голодное будет. А батюшки! Придется с соседкой договариваться, от козы ее молока брать.

Как же мне хотелось, чтобы мать ушла сейчас, оставила меня наедине с малюткой. Но нет, она сидела и пристально наблюдала, как я даю дочери грудь, правильно ли все делаю.

– Пусть берет не только сосок. А и околососковое место. Иначе, молоко будет идти туго, да и растрескается все. На стенки от боли потом будешь лезть. Нужно будет облепихой смазать опосля. А может, раздоишься еще, глянь, как припала. Даром, что маленькая, а аппетит-то нешуточный.

Так смешно причмокивает, глазки прикрыла от удовольствия. Губы начали растягиваться в улыбку. Вовремя опомнилась, нельзя, чтобы мать поняла, что я чувствую. Это теперь только мое, буду прятать глубоко в себе. Виду не подам. Никто не узнает, что люблю я тебя, малышка, уже больше жизни. Только тебя и люблю в этой жизни. И не важно, что напоминаешь ты мне отца своего – такая же светленькая и слабенькая. Хотя, о последнем еще рано судить, жизнь покажет, какая ты на самом деле.

– Как назовем-то? Может, Марией? – спросила мать, когда малышка насосалась и сонно откинулась.

– Нет. Нехорошее имя – судьбоносное. Пусть будет Любой.

– Любавушка, значит? А знаешь, подходит ей оно. Завтра батюшку пригласим, пускай окрестит.

Окрестит, так окрестит, хотя об этом я думала в последнюю очередь. Назову тебя Любавой, так, может, хоть тебе повезет в любви. Для матери твоей умерло это чувство. Осталась кроха для тебя – маленькой, а больше ни для кого.

Дверь скрипнула тихонько и показалась взъерошенная голова Григория. С бледного лица на меня смотрели покрасневшие глаза. Губы его дрожали, словно

он собирался заплакать. Господи, до чего же он слабый! Как же ты мне противен, муж нареченный!

– Заходи, Гришенька, – мать ласково похлопала по кровати рядом с собой, – покушали мы и уснули. Дай сюда малышку, – она протянула руки. Я инстинктивно прижала ребенка к себе. Так бы и держала вечность, никому бы не отдавала. – Давай, давай, покормила и ладно. Отдыхай пока.

Нехотя протянула ей сверток. Еще бы разок прижаться к шелковистой коже. Но нет, нельзя обнажать свои чувства.

– Смотри, Гришенька, спит, как ангелочек. На тебя похожа наша Любавушка. Возьми, отец все-таки.

На последних словах в голосе матери прозвучала горчинка. Видать не одна я считаю Григория бесхребетным.

– Не надо, – замахал он руками. – Маленькая она, боязно. Ты как? – посмотрел он на меня.

Только ради этого он и пришел – справиться о моем здоровье. Опять это дикое обожание в глазах. И ребенок его не интересует, и то, что похожа на него, не услышал. А я так надеялась, что отвлечется на дочь, перестанет следовать за мной тенью, заглядывать в глаза и предугадывать желания. Извел он меня своими липкими ласками. Каждую ночь подавай ему себя. Опостылел, сил нет. Сколько еще это будет продолжаться? Год, два?.. Сколько еще я смогу вытерпеть? И нет сил не сравнивать его с тем, другим – жарким, уверенным, настоящим.

– Пойду, положу Любавушку в колыбельку, – вздохнула мать, утирая одинокую слезу.

– Мама, – позвала я, когда она уже переступала порог. – Перенесите кроватку сюда. Нечего вам вскакивать по ночам, когда придет пора кормить. Сама я...

Не успела за матерью закрыться дверь, как схватил Григорий мою руку. Тискает, целует ее, словно помешанный.

– Отпусти! – насилу вырвалась. – Не видишь, плохо мне еще, родила же только. Да и нельзя мне месяц ничего. Уйди, пожалуйста, спать хочу.

Хоть месяц долгожданного покоя, а там видно будет.

* * *

Сны начинали тяготить меня. Если раньше я воспринимала их, как кино, в котором играю главную роль, то сейчас склонялась к мысли, что они преследуют меня. Я не могла отвлекаться на что-то другое, не думать, не вспоминать. Во мне жили ощущения, что я переживала во сне. Невольно постоянно проигрывала в голове сцены, участницей которых становилась. Мое настроение теперь всецело зависело от сна, от его атмосферы. И неважно, что видела жизнь Веры не каждую ночь. Настроение сохранялось до следующего сна.

Мне навязывали чужую жизнь, с ее радостями и переживаниями. Кому и зачем это было нужно, ума не прилагала. Я испытывала все те чувства, что пережила когда-то Вера. В том, что все это было на самом деле, я не сомневалась. И пусть видения выглядели отрывистыми, вырванными из повседневности, картинка жизни Веры складывалась у меня целиком, словно то, что я не переживала во сне, плавно протекало параллельно с моей настоящей жизнью.

Я тосковала по ребенку – такому маленькому, беззащитному. Волновалась, все ли в порядке с девочкой – Любавочкой. Снова хотелось взять ее на руки, прижать к себе хрупкое тельце, приголубить, вдохнуть ни с чем несравнимый аромат. Но сон не повторялся. Всю следующую неделю мне вообще ничего не снилось.

А еще пропал Захар. Не приходил, не звонил. Понятно, что он и не обещал ничего, но я скучала. Дни проходили в безделье – читала, смотрела телевизор... Изредка выбиралась в магазин. Нога уже и не болела, но передвигаться с гипсом было жутко неудобно.

В пятницу, когда я совсем извелась от скуки и одиночества, заявила Наташка. Вид у нее был, прямо скажем, плачевный – лицо бледное, губы дрожат, глаза красные наплаканные.

– Ну, рассказывай, что у тебя опять стряслось? – усадила я подругу в кресло и приготовилась внимательно слушать.

К бабке не ходи, Наташа рассталась со своим бойфрендом. Иногда мне казалось, что расстается она чаще, чем начинает встречаться, как бы противоречиво это не звучало.

– Толик меня предал, – трагически закатив глаза, прошептала подруга.

Наводящих вопросов я задавать не стала, терпеливо ждала продолжения. Наташа относится к типу людей, которые живут по принципу «вся жизнь – театр». Она не может просто жить – решать проблемы по мере их поступления, к чему-то стремиться, думать о будущем. Она играет одной ей известную роль. И сценарии ролей, особенно любовного характера, она пишет сама. Вот и сейчас, голову даю на отсечение, что не случилось ничего катастрофического. Скорее всего, Толик ей просто надоел, но признаться даже самой себе она в этом не может, вот и придумала какую-нибудь трагедию на ровном месте.

– Представляешь, он отказался отвечать на самый безобидный вопрос!

Я даже не пыталась себе представить, что такого она могла у него спросить. С Толиком Наташа встречалась уже больше месяца. И, когда она рассказала, что на время отсутствия его родителей перебирается к нему жить, я почему-то решила, что на этот раз у нее появилось то самое – настоящее. И Толика я представляла себе натуральным – не пустобрехом, у которого на уме одни развлечения. А еще из того многообразия, что рассказывала о нем Наташа, я поняла, что он ее любит.

– Мы ужинали, мило беседовали... Ну, я и спросила, скольких девушек он любил по-настоящему. А он мне, мол, тебя я люблю. Я ему – ну любил же ты кого-то до меня, возможно, сильнее меня. А он – отстань и не задавай глупых вопросов. А что я такого спросила? Ничего же особенного. Я ему так и сказала. Тут слово за слово... Я ему все высказала – какой он черствый, скрытный. Говорю, ведь я же ничего от тебя не скрываю и про бывших своих рассказываю. – В этом месте Наташа еще более трагично всхлипнула и уткнулась в платок. – А он вскочил, бросил ложку на стол и ушел из кухни. Представляешь? Я захожу в комнату, а он на меня ноль внимания – сидит, в телевизор пялится. Ну, тогда я взяла и ушла.

Она с мольбой смотрела на меня, ожидая поддержки, но в глубине ее глаз плескалась догадка о собственной неправоте.

– И часто ты ему рассказывала о своих бывших? – решила все-таки спросить я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/volgina_nadezhda/100-let-bez-lyubvi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)